

ВНТФ:НЕФНЕ

ВФПМЕ:НЕЗВНЕ

16+

Вито Леоне
Волчье лезвие

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Леоне В.

Волчье лезвие / В. Леоне — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08281-6

Конец VI века. На землях бывшей Римской империи оседлое население перемешалось с варварскими народами, творятся языческие обряды и звучат христианские молитвы. Византия стравливает между собой германские племена. Сын крестьянина стремится к титулу и золоту. Случай сводит его с дочерью герцога. Беседу с ней ему теперь не забыть ни в схватках, ни в походах. Вскоре он столкнется с опытным воином по имени Волчье лезвие. Судьбы всех троих переплетутся в междоусобицах и влечениях сердца, а двое из них навсегда останутся в памяти потомков, которые поместят их бюсты на фасаде знаменитого собора.

ISBN 978-5-532-08281-6

© Леоне В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ПРОЛОГ	5
КРАХ СОЮЗА	7
I	7
II	14
III	21
IV	28
V	36
VI	43
VII	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

ПРОЛОГ

*Центральная Италия
Лаго-Тразимено
Лето 661 г. н. э.*

В нише на белой стене стоял лук с роговыми вставками, висел колчан с дюжиной стрел. «Нужна ловкость, чтобы пускать стрелы из аварского лука. Не зря, видно, король отправил меня к этому дряхлому Каликсу».

Мимо ароматных кустов мирта и лавра, что стояли в горшках по краям неглубокого бассейна, Ингваз следом за слугой вышел в открытый зал-перистиль, окружённый с трёх сторон крытой колоннадой. Вилла занимала утёс, нависавший над озером. Со стороны рдяно-огненного заката не было стены, и перистиль словно висел над водой.

После приветствия Ингваз уселся на одну из двух деревянных скамеек, повернутых по боком друг к другу, напротив хозяина – морщинистого старика, чьё лицо, как и седые волосы, обелял лунный свет.

– Епископ с таким почтением упоминал вас, Каликс, – опёрся Ингваз спиной на цветастые подушки.

– Ежегодные пожертвования в две сотни золотых монет очень хорошо способствуют почтению, – ухмыльнулся Каликс, – но, скорее, епископ уважал моего отца, которого два года назад преклонные лета пригнули к могиле. Упокой его душу, – перекрестился он, а затем улыбка чуть тронула уголки его бескровных губ: – Правда наш храм похож на барабан?

Ингваз кивнул. Днём, прежде чем явиться сюда, он встречался там с епископом Перузии¹. Свет из двенадцати окон-проёмов в куполе рассеивал прохладный сумрак храма, покоившийся в кирпичном круге красно-рыжих стен без окон.

...Слуга принёс поднос с кувшином и чашами, светильник. Прохладный ветерок шелестел листвой. С озера прилетали всплески.

Из кувшина в серебряные чаши полилось вино, и журчание прибавилось к стрёкоту сверчков, кваканью лягушек и жужжанию moskitov.

– Король отправил меня найти очевидца той последней битвы с франками, что случилась семь десятков зим назад, – прервал Ингваз молчание. – Его волнует, как их остановили и почему они до сей поры не решались перейти горы.

– Всё-таки война?

Ингваз отхлебнул вина из чаши, смахнул капли с бороды:

– Пришли вести, что они скоро вступят в наше королевство.

– Трудно будет юному королю. Франки опасны... Всегда были опасны, – произнёс Каликс. – Принеси те три книги, что в шкафу справа от портика, – обратился он к слуге, – и два светильника.

Каликс помолчал, а затем продолжил:

– Последние двадцать лет я записывал, что сказывал отец. И хочу заметить, что всё началось раньше, чем случилась та битва... Началось, когда мой отец встретил Теоделинду...

– Ту самую! Которую простой люд всё не забывает? – прервал Ингваз размеренную речь Каликса. – Хотя прошло уже...

– Больше тридцати лет, как умерла, – закончил Каликс. – Вот и мне её не забыть. – И лицо его исказила злая гримаса.

¹ Современная Перуджа

Чтобы поразмыслить, как смягчить старика, Ингваз отпил вина с едва заметным вяжущим вкусом, а затем полюбопытствовал:

– Вас родила римлянка?

– Решили так, потому что вместо «зима и ночь» говорю «год и день»? – смахнул Каликс злость со своего лица лёгкой улыбкой и провёл костлявой ладонью по длинной бороде. Она падала на грудь, спрятанную, как и всё тело, в белую расшитую тунику до колен. – Это всё книги. Насчёт матери вы правы, но я знал её со слов отца. Она дала мне римское имя и оставила золото. Нам хватило открыть торговлю. И преуспели. Знакомы с латынью? – спросил он, когда слуга положил на низкий бронзовый стол три книги, обшитые грубой бычьей кожей.

– Мне будет непросто. Обещаю, король сбережёт записи.

– Пока солнце тратит на меня свет, они не покинут виллу, – ответил Каликс. – Читайте здесь. Я помогу, привык к бессонным ночам. Они словно продлевают жизнь. – Подвинул ближе к Ингвазу два масляных светильника и обратился к слуге: – Ещё фруктов, и до утра больше ничего не нужно.

Ингваз раскрыл верхнюю книгу в стопке и прочитал заглавие: «КРАХ СОЮЗА».

КРАХ СОЮЗА

I

*Северная Италия
Туринское герцогство
Лето 588 г. н. э.*

– Да, девчонка едва не померла со страху, когда живописала братцев Лесной Девы.

Лег бросил на раскалённые камни розовый кусок телятины: тот зашипел. С десяток ему подобных, но уже побуревших мясных обрезков разлеглись вокруг костра на крупных булыжниках.

Даже с дюжины шагов Агилульф учуял волнение в голосе Лега – круглолицего парня с хилой темно-русой бородкой, – и оторвал спину от ствола бука, где полулежал с закинутыми за голову руками

«Ну и что, если ему только минуло шестнадцать зим, и это его первый поход? Никто не ожидал погони за шайкой разбойников. Лучше так, чем горло вином полоскать и болтать с землевладельцем о дани. Хотя нет, вино также кровь будоражит. Ладно, попробую выбить из него трусливую дурь, иначе изгоев в его фаре прибавится».

Первым Лега пожурил Сундрарит – светло-рыжий гривастый здоровяк.

– Чего ты ждал от бабы? Это ты у нас, смельчак пустобородый, сразу копьём тыкать начнёшь, а её саму затыкают... и не только копьём, – оскалился он. – И ешь меня тролли, если эти близнецы могут что-то ещё, кроме как обирать торговцев и пьяных путников.

Толстая сухая ветвь громко хрустнула в его бугристых от мышц руках, и огонь стал жадно облизывать упавшие в костёр обломки.

– В моём фаре нет пугливых, – зло ответил Лег, взглянув на Сундрарита напротив него, чья серо-коричневая туника на мощном торсе придавала ему вид каменного валуна. Нож Лега со звоном насадил шипящий кусок телятины. – Просто она так ясно описала их изуродованные головы, что хочется избавить их шеи от обузы.

Полупрозрачные облака изредка прятали жёлтый круг на ярко-синем небе. По лицу Агилульфа пробежал прохладный ветерок с предгорий Альп, а слюна наполнила рот, отзываясь на запах жареного мяса.

– Ну что, готово, Лег? Живот пуст как барабан, – пересел Агилульф к огню. – Мне едва минуло пятнадцать зим, когда Альбоин привёл нас под стены Тицинума. Любят римляне всякие названия с «ум» на конце, – улыбнулся он, – но, когда прошло три зимы, и город наконец-то сдался, король решил, что наша столица будет зваться Папия – Достоинство. Так оценил он стойкость осаждённых... Так вот, в один из приступов, твой дед Ратхис, со стрелой в бедре в одиночку удержал осадную лестницу, пока остальные лезли на стену.

– Готово, – пробурчал Лег с набитым ртом.

– ...и прочие воины твоего фара не щадили себя, – продолжал Агилульф, – кроме одного, который сник как мешок в углу, будто у него позвоночник вынули, прятался за спинами, пока его родичам копьё рёбра ломали.

– Ну-ка, хватит румянить бока. Тащите сюда свои пустые брюхи, – крикнул Сундрарит в сторону лужайки на опушке, куда уже заползли длинные тени от высоких деревьев.

Трое лангобардов подняли с сочной травы свои голые по пояс тела, подтянули бурокоричневые льняные штаны. Стреноженные кони зафыркали, их хвосты и гривы отбивали атаки мух, а глаза косились на проходящих воинов.

Пристальный взгляд серых глаз Агилульфа заставили Лега отвернуться:

«Дери меня вепрь, я и забыл про Пеммо-Заячью душонку», – расстроился он, и заявил с досадой:

– Аго, тот арга² бродит где-то с отметиной изгоя. Для моего фара он умер.

– Заслуженная кара, – подцепил Аго ножом мясо, ароматное от можжевельных веточек, и откусил. – Уумм, надеюсь, ты орудуешь копьем, не хуже чем готовишь. Но я к тому парень, не выращивай в себе страх перед врагом. Когда начнётся схватка, кто-то умрёт, а вместе с ним и страх.

– Аго, надо бы дождаться Ирма, – шваркал черноволосый Ольф точилом по топору, сидя на мшистом бревне. – Пора бы ему воротиться, а то ведь ушёл ещё, когда тени были короткие.

После этих слов Лег осознал, что назвал Агилульфа коротким именем. – «Хвала Господу, никто не заметил», – правые пальцы сложили крестное знамение.

«В отряде только эти двое – Ольф и Сундрарит называют его Аго. Потому что Ольф прожил сорок три зимы, и белые волосы проступают на голове и в бороде, – размышлял Лег, – а Сундрарит дружит с десяти зим? Вот бы мне такое имя – Волчье лезвие. Вместо пустого Лег... А какие только небылицы не болтают и все по-разному растолковывают почему Агилульф. Эти придумки окутали прошлое, словно тёмно-зелёный мох опутал древний пень, и теперь легенда его имени выглядывает из темной чаши былых лет, как фенке³. Все лишь в одном сходны: в год рождения Аго леса и степи Паннонии заполонили волчьи стаи».

– Ирма вернётся, как найдёт следы, – ответил Агилульф. – Лег, отложи пару кусков.

Тем временем Ирма пробирался обратно в стан отряда по сосново-буковой чаще. Солнце падало к горизонту, редкие лучи пробивались сквозь густую листву, а москиты жужжали, путались в его курчавых длинных волосах и бороде цвета соломы. Пустой желудок бурчал. Он, как будто напоминал, что не против употребить, как бывало не раз в долгих походах, и лесную живность, которая шуршала в траве, щебетала среди ветвей. Спешил Ирма не из-за голода – нашёл следы напавших на деревню.

– Спешиться! обыскать всё вокруг, – рыкнул Агилульф, когда три дня назад отряд оказался в одной из римских деревень – того, что от неё осталось, – соскочил он с коня среди дымного пепелища. – Ирма пошарь в тех зарослях за ручьём, – повернул командир к нему квадратное лицо со включенной бородой до середины груди.

«Вот почему нет крестьян», – подумал тогда Ирма о пустых полях и виноградниках, что остались позади.

Все десять воинов-лангобардов в туниках и штанах, подпоясанные кожаными ремнями, держа оружие наготове – топоры, копья и мечи, – слезли с коней и разошлись среди обугленных, с упавшей кровлей, деревянных хижин. Куски воловьей кожи на ступнях, привязанные шнуровкой к голням в белом сукне, топтали горелую чёрную траву.

– Аго, неужто франки? – услышал Ирма вопрос Ольфа.

– Если только какого-то лейда укусил бешеный пёс.

– Может союз с аварами стал крошиться, как ломоть хлеба?

– Тогда, Ольф, точи топор острее.

Двигаясь к можжевельным кустам за бурчащим ручьём, Ирма обернулся. Агилульф неспешно шёл среди остатков деревни, бритый затылок блестел от пота, а на русые, до плеч, волосы, падал пепел, поднимаемый лёгкими порывами ветра.

Больше Ирма разговора не слышал. Водный поток срывался здесь в заросшую неглубокую ложину, и струя со звоном била о камни. Громкий всхлип пробился до его слуха. Среди зарослей он вынул из ножен на бедре короткий меч – длиной с предплечье, – замер. Глаза обшари-

² Трус

³ Фенке – в германо-скандинавской мифологии лесные великаны, косматые и кровожадные.

вали кусты, ноздри широко раздувались и вбирали густой аромат трав, барабанные перепонки натянулись, как тетива. Тихо. Только клёкот птиц.

Всхлип. Еле слышный шёпот впереди. Опять всхлип.

– Вылазь, – крикнул Ирм, – и назови себя.

В пятнадцати шагах перед ним зашуршали кусты, и вышла римлянка с годовалым мальчиком. Ей было лет четырнадцать, большие глаза переполнял ужас.

– Как выглядела? – спросил Агилульф, когда выслушал рассказ Пии о налёте на деревню; и том, что среди нападавших была девка, которая увидела, как Пиа с братом убежали в лес, но отвернулась.

Пиа скрестила руки на животе, пальцы тискали рукава бледно-серой туники. Миловидное лицо окрасилось в цвет пепла, когда длиннородые воины стали рядом, зазвучала их грубая речь, где в вульгарную латынь вклинивались неизвестные ей лангобардские слова. Розовые губы её трепетали, как крылья бабочки. Она запиналась.

– Её не п-помню... С-с ней были два близнеца: один безухий с кривой шеей..., а в-второй с багровым шрамом через всё лицо.

Сердце Ирма вздрогнуло от жалости.

– Ешь меня тролли, это Лесная Дева устроила здесь разгром, – зарычал Сундрарит, оттого мальчик, жмущийся к ногам сестры, зарыдал. Пиа схватила его на руки.

Агилульф взглянул на рыдающее дитя, лицо его скривилось, как от кислого пива.

– Спаси меня от мокрозых мальцов, – осенил себя крестом. – Ольф, узнай, что надо, и в погоню, – повернулся и пошёл к ручью. – Пойду смою с себя гарь.

Точно бес дёрнул Ирма за язык, потому как он сам не ожидал, что подобное вылетит у него изо рта:

– Надо взять их с собой. Одни пропадут.

Сделав с пяток шагов Агилульф, обернулся, но не успел произнести и слова, как его упредил Сундрарит:

– Чего это ты озаботился о римлянах, Ирм? Если надеешься, что девка ублажит твои чресла, то надо спешить, иначе не найти эту шайку. Поэтому бери и тащи скорее в кусты, раз тебе так приспичило.

Все замолчали. Ирму показалось, что все слышат, как у него в голове скрипят извилины в поисках ответа, ведь ему так не хотелось оставлять девчонку. И только ребёнок судорожно хватал ртом воздух, захлёбываясь плачем.

– Она будет свидетелем, – придумал Ирм.

– Суда не будет, – ответил Агилульф. – Берн, Хаган! Десять миль южнее поселился Граусо со своим фаром. Отвезите туда и догоняйте.

– Вряд ли он потерпит римлян в своём селе, – сказал Бёрн, широкогрудый воин с дубиной на плече.

– Ему придётся, ради благосклонности моего отца. Закончим с Лесной Девой, заберём. И пусть обращается как с гостями, иначе фельгельд⁴ опустошит его закрома.

...И вот напав на след – застывший коровий и лошадиный помёт на лесной тропе, Ирм торопился к стоянке отряда. Ему хотелось быстрее покончить с Лесной Девой, чтобы вернуться за девчонкой, и тогда он попросит её для себя.

Вечерние тени накрывали опушку, но ещё сдерживались оранжевым солнечным диском над лесами у горизонта, когда затрещали ветки в лесу, а затем Ирм свистом известил о себе.

Ольф протянул ладони к огню, чтобы жар костра взбодрил его – годы и раны тяготили тело, набитый желудок клонил в сон. Напротив него Ирм, невысокий, но плотный крепыш, с жадностью поглощал мясо и выговорил сквозь причмокивание:

⁴ Штраф

– Помёт ещё не высох, к середине ночи догоним... Хм, вкусно. Хорошо, что корову нашли.

– Надо выходить на рассвете, – сказал Ольф. – Я не из пугливых, но попав в засаду, мы не сделаем то, ради чего уже три ночи прёмся по дремучим лесам. Вместо того, чтобы пить пиво и тискать жен или челядинок.

Ирм взял бурдюк с водой, жадно хлебнул и, вытаращился на Агилульфа.

Ольф увидел в глазах разведчика надежду скорее покончить с погоней: «Да, девка хороша, Ирм, – усмехнулся он про себя, — все поняли, как она тебе приглянулась. Чего вот только Аго ей так озаботился? Не было такого, чтобы мы помогли римлянам. Или он тоже её возжелал? Если так, то не завидую тебе, Ирм».

Агилульф пригладил бороду, встал с травы, развел дюжие плечи.

– Шайке разбойников, Ольф, не сладить с боевым отрядом. У кого еще есть что сказать? – обратился он ко всем воинам, которые собрались у костра, когда появился Ирм.

– Бёрн и Хаган, – сделал Ольф последнюю попытку отложить ночную вылазку, – еще не вернулись. Нас всего восемь, а, по словам римлянки, напавших не меньше двух десятков.

– Если промедлим, то они сбегут за горы, к франкам, – ответил Агилульф, надевая ножны с мечом на кожаный пояс. – А ступать на их земли таким малым числом воинов я не буду.

Агилульф обвёл взглядов воинов: никто не возразил.

Отряд гнал коней вперёд. Ольф слышал, как сзади Лег полушёпотом сказал Ирму:

– Они же нас засекут раньше, чем нападём.

– Нечего было молчать, пока командир ещё не приказал выступать. Он бы выслушал и разъяснил, – ответил Ирм. – Всегда так делает. Скот и пленные не дадут им быстро сорваться с места. Ничего Лег, две зимы назад я таким же дурнем был. Потом понял, Агилульф знает, что делает. Вряд ли, его вообще посещают сомнения.

Ирм ошибался. Тревожная мысль, как одинокое хмурое облачко на небе, посетила Агилульфа: «Могут порешить всех и бежать», но он отогнал ее, спрятал глубоко внутри, заменил другой: «Что ж, тогда крестьянам не повезло».

Когда ночь скрыла буйное цветение на лугах и полянах, а уханье сов, писк москитов и шорохи от лап лесной живности сопровождали безмолвное движение отряда среди раскидистых буков, редких клёнов и молодых дубов, Агилульф приказал встать.

– Ирм, Лег, – махнул Агилульф рукой в темноту. Они спешили и ушли вперёд.

Уже яркие звезды запылали над ними, повеяло ночной прохладой, а разведчиков не было.

Агилульф еще не тревожился, но медовый аромат астранций, что заполнял лесной воздух, вытаскивал из памяти прежде живых мать и сестру. Так пахли волосы матери и руки сестренки Минны, а их спальни всегда украшали эти цветы – звёзды из лепестков. И потому, чтобы избавиться от неприятного чувства беспомощности перед неудержимым врагом – чумой, – забравшей близких пять зим назад, его разум требовал действий, что убивали всякие думы.

Впереди перед ними, в двух десятках шагов от лужайки, где они слезли с коней, хрустнула ветка, затем от ближних корявых стволов отделились две тени.

– Стоянка во второй лощине после рощи, – тяжело дыша, сказал Ирм. – Там тихо. Там странно тихо.

– Что ж, тем им хуже, – произнёс Сундрарит, – нападём внезапно, а там и Вотан дарует нам победу, да, Аго?

– Крестьяне и скот там? – спросил Агилульф, и вытащил из складок туники грибную жвачку – хлебный мякиш пропитанный отваром мухоморов, бросил в рот.

– Так, я и говорю, там странно тихо, ни коровы не мычат, ни людских звуков, – ответил Ирм.

– Так, Лег останься с лошадьми. Веди, Ирм, – перекрестился Агилульф. – Даруй нам победу, Отец, – вынул меч и пошёл следом за разведчиком.

Они не прошли и ста шагов, как медведица бросилась на них у первой ложины. Когтистая лапа вспорола Ольфу живот, и откинула на десять шагов в сторону. Грибное зелье уходило из тела вместе с кровью, но пока защищало его от боли. Сейчас он слышал дикий рёв зверя, крики товарищей, но трава вокруг становилась влажной и липкой и разила кровью.

Когда звериный рык резко стих, оставив только хриплые людские голоса, Ольф прекратил попытки встать. Взгляд его устремился к небу, где новая луна манила к себе. Ноги немели.

«Что ж, старушка Гиза, не видать тебе моей могилы. Поплачешь у деревянного голубя, – бились в его голове мысли слабым пульсом. – Прими меня Вотан в свой дворец отведать медового пива. Не в рай Христов же мне идти».

Лунный круг над ним закрыли лица Агилульфа и Сундрарита, глаза их пылали злым блеском, а плечи вздымались от частого дыхания.

– Спешите, – громко, как ему казалось, сказал Ольф. – Было слишком шумно, чтобы шайка не проснулась.

Агилульф присел рядом, склонив голову, и меч в его руке переливался в ярком лунном свете багровым сиянием от стекающей крови.

– Что Ольф..? Вернемся за тобой. Скоро.

– Нет. Лучше скажи, если на мне распятие, – нащупал Ольф руку Агилульфа, – я попаду к Отцу битв, к Вотану, во дворец павших?

По лицу Агилульфа пробежало смятение. Ольф на мгновение прикрыл веки, по пальцам побежал холод, вдох застрял в горле, прерванный кашлем.

– Ты погибнешь в бою, Ольф, и будешь пировать на небе, – выпрямился Агилульф. – Дай копьё, Сундрарит.

Когда он вонзил копьё ему между рёбер, у него самого, как будто кольнуло под сердцем. Мелькнуло чувство, что излишняя горячность и поспешность и стали виной тому, что старушка Гиза будет оплакивать супруга.

К лагерю гепидов они пошли, уже не скрываясь – с хрустом под ногами, с боевыми возгласами. Ветки хлестали Агилульфа по лицу, кусты царапали голые руки и ноги, но грибная жвачка обезболивала: он не ощущал ничего, и только перед глазами так и застыло распростёртое тело Ольфа с белым, как снег, лицом.

Крики жены и дочери прервались медвежьим рыком. Белый туман скрывал их от взора Фроила, его тело сжалось, и, вынырнув из сна, он сел мокрый от пота.

В роще, что они пересекли прежде, чем встать на ночной привал, ревел медведь и кричали люди, но в лагере стояла тишина. И только едва теплились угли вечернего костра под лунным светом, что поблескивал на бронзе украшений, топорах и уздечках коней, которые жались другу к другу от звериного рыка.

«Они приснились, значит, зовут к себе, – лениво текли измышления в тяжёлой голове Фроила, а вялость он списывал на дурной сон. – Где часовые? Там же может быть враг. Точно враг, мы же здесь чужаки».

– Вставайте, – заорал он, толкнув соседа.

На что тот, пробурчав ругательство, заворочался и открыл глаза.

– Что надо?

И хотя медвежий рык стих, отвечать Фроилу не пришлось, так как с той стороны приближался боевой клич лангобардов, отчего соплеменник попытался вскочить на ноги. Движения его были медленны, он зашатался, и упал на колени, словно перебрал крепкого вина.

– К бою, – вопил Фроил, поднимаясь на ноги.

Боевой топор, что поднял на плечо, показался тяжелее в несколько раз. На руках и ногах, будто висели камни, сердце ухало, а земля убегала из-под ног. Он ощущал себя пьяным. Видел

соплеменников с хмельной медлительностью, готовящихся к бою, но не заметил пропажу коров и пленников, а также проводников – кривоношую девку и двух уродливых братьев-близнецов.

Позже, когда упал спиной на кострище и горячие угли прожгли тунику, а светло-рыжий лангобард надавил ногой на грудь, Фроил вспомнил о проводниках. Как вспомнил и их вкусную похлёбку с непривычным душистым ароматом, но тут же эти мысли вытеснила горечь о разгроме войска гепидов у Фловия, учинённого лангобардами и аварами два года назад. Тогда он навсегда потерял жену и дочь.

Лангобард приставил остриё меча под глаз и заговорил:

– Где скот? Пленники? Или глаз выковырять?

– Лучше сразу в шею, – выплюнул Фроил ответ, схватил руками клинок: боль обожгла ладони, и перенёс острие меча к своему кадыку, кровь потекла на лицо горячими струйками, – семья уже заждалась меня.

– Не спеши соединять семью, Сундрарит, – подошёл русоволосый лангобард, – король ваш дал маху с союзником в той битве. Римляне слишком изнежили готов, на которых он надеялся. Я – Агилульф, сын Ансвальда, герцога Турина. Твоё имя?

– Зачем? Похващаешься супруге, что убил ужасного гепида, иначе не пустит в сладкую щель? – ухмыльнулся Фроил.

– Ты храбр. Умрёшь быстро, если расскажешь, или корячиться тебе на дубе как эти двое, пока всякие ползучие твари не прогрызут тело до кости, – показал Агилульф на дуб, чью широкую листву пронизал рассвет, и откуда неслись костедробильные вопли двоих гепидов. – ... И мне некому хвастать.

– Фроил, мое имя, – отпустил он клинок, – только пусть они замолчат, ведь Вотан примет и молчаливые дары. А мне мешает.

– Хорошо, – сказал Агилульф. – Убери ногу, пусть подышит.

Сундрарит отошёл на шаг, сорвал пучок травы влажной от росы, и влага потекла по долу меча, смывая кровь.

Воины бродили по лагерю, кони гепидов фыркали на незнакомый запах, награбленный скarb падал из мешков на землю, а тела убитых лишались украшений, доспехов и монет. Ирма пнул почерневший котел, откуда со звонким плеском вылилась густая жижа. Его палец коснулся варева, затем оказался у носа и во рту.

– Съедобно? – спросил один из воинов, рассматривая бронзовые подвески на сбруе.

– Смачно, – почесал Ирма бороду. – Только несет дурманом.

Агилульф обратился к Фроилу. Тот уже приподнялся из кострища и сидел на заднице.

– Рассказывай. Начни с того, зачем сюда понесло.

– Серебро. Ради чего ещё лезть в эти земли, – заговорил Фроил, – Наш главарь, – закрутил он головой, а следом ткнул пальцем в тело, где с каждого локтя таранилась выколотая на коже голова вепря, – уговорился с бургундом за сотню монет, что добудем рабов и скот здесь.

– Его имя?

– С ним главарь встречался. То ли Людер, то ли Людгард. Говорил, высокий, с рисунком на коже, вокруг шеи.

– И где коровы, ешь тебя тролли? – перебил Сундрарит, когда подтащил тело главаря к Фроилу.

Фроил опять завертел головой:

– Перед ночёвкой были четыре коровы, две пали в пути – сожрали. Полдюжины мужиков, троица баб да четверо юнцов, – продолжал Фроил. – Проводники, девка с братьями, такое смачное варево сварганили, аж дева сна в голове поселилась, едва ложки отложили. Не вижу их среди мертвецов.

– Девка черноволосая со сломанным носом, а братья: безухий и со шрамом на лице, – сказал Агилульф, словно уже знал, что еще скажет гепид. – Ирма, возьми с собой кого-нибудь,

осмотрите окрестности, – крикнул он. – А ты, Сундрарит, готовь послание франкам, бургундам. Одна свора. Этому Людеру, чтоб твои тролли его пожрали.

Сталь сверкнула в первых лучах, когда клинок вынырнул из ножен Сундрарита, и Фроил опустил голову с улыбкой на лице. Он ждал встречи с семьёй.

II

*Юго-восток Франкии
Бургундская деревня
Лето 588 г. н. э.*

Пир бурлил.

Под вечерним небом на поляне среди деревянных домов стояли повывавшие былое дубовые столы. Между ними, увливая от мужских рук, сновали девицы с блюдами и кувшинами.

Людер сидел за столом, левая ладонь поглаживала холку пса.

– Что, Крувс, вкуснее, чем бретонские шкурки?

Кане-корсо ответил из-под стола одобрителем урчанием, и затем пёс продолжил кромсать говяжий мосол, лязгая мощной челюстью. Крувс не понял, про какие шкурки говорил хозяин. У него ещё чесались раны от порезов, что нанесли ему люди, когда он кусал их за руки, чтобы не ударили хозяина железной палкой или деревяшкой с куском металла. Хозяин ломал им большой железкой деревянные круги с прибитыми шкурками горностаея. Круги трещали, а люди истошно вопили и брызгали кровью, когда хозяйская железка врезалась в тело.

Если хозяин говорил про те горностаевые шкурки, то эта белая кость много лучше, и потому пёс не заметил, как рука перестала гладить его короткую светло-рыжую шерсть. Пальцы Людера захватили кусок мягкого белого сыра с пушистой корочкой, а его чаша с густым красным вином приподнялась и толкнула чашу его соседа.

– Выпьем, – выхлебал Людер чашу до дна, стукнул ею по столу. – Рад, что тебе лысину не испортили жалкие бретонцы. Орал: «Лучше смерть, чем позор», – угрюмо сказал он, жуя сыр, – мы сделали, как им лучше.

– Некоторые пытались её поцарапать, – ответил Брюн, жилистая рука погладила череп с выколотым рисунком на коже. – Люд, не бесись. Хватит. Это его королевское право – так делить добычу.

Прохладный ветерок всколыхнул озёрную гладь до лёгкой ряби, в которой серебрились отражения звёзд и растущей луны, потянуло влажной прохладой.

– Гунтрамн... ворон битвы, – укутался Людер в шерстяной бурый плащ, спрятав под ним рубаху-тунику цвета пыли на дороге в сухую погоду, серебряную цепочку с распятием и выколотым рисунком рунической вязи вокруг шеи. – Никого не встречал, кто бы пережил шестьдесят зим. А он – уже семьдесят... Наверняка плоть убитых клюёт после сражений... Дряхлый ворон.

Брюн повернул голову в сторону востока, а затем, взяв с блюда кусок говядины, тушёной в красном вине, взглянул на Людера:

– Вернутся гепиды – хватит тебе золота на вёно (выкуп), чтобы посватать дочку того барона.

– Не трусились бы. После того разгрома у Фловия они чураются длиннобородых⁵, как кошка – веника.

Тягучий красный соус с ароматом вина, тимьяна и чеснока стекал по пальцам Брюна, а он его слизывал, причмокивая.

– Видел трусов, что бились как львы за обещанное серебро. Фэли, милашка, – сказал Брюн белокурой статной девице, наполнявшей им чаши вином из глиняного кувшина, – для тебя есть горностаевые шкурки. Они согреют зимой.

⁵ лат. langobardi – длиннобородые

– Надеюсь, ни одна распутница не получила даже хвостика, пока ты добирался обратно, – ответила девица суровым голосом, но лицо осветила радостная улыбка. – Кувшин почти пуст, а я, боюсь, одна не выкачу бочонок.

– Я помогу, – оскалился Брюн.

– А я видел храбрецов, бежавших несмотря на обещанное золото, – поднял Людер чашу: – Давай за прелестниц! – проводил он взглядом шедшую между столами Фэли.

Вышитый шерстяной жакет обрамлял её стать до цветного пояса с кистями, из-под которого вниз сбегали волны многочисленных складок на длинной широкой светло-серой юбке.

– Иди. С ней будет слаще, чем облизывать пальцы, – ухмыльнулся он на то, как поспешно Брюн допил вино.

«Может, не в монетах всё дело? – пришла Людеру пьяная мысль, когда Брюн ушёл. – Но без сотни золотых не жениться на дочке барона... Так, кому ещё из девиц требуется помощь с бочкой?».

Ранним утром, когда солнце ещё только подмигивало с горных вершин на востоке, под гавканье Крувса, что поднимал птиц в прибрежных кустах, Людер отплыл с дощатого причала, у которого качалось с десяток лодок.

Уключины скрипели, берег уползал, прятался в рассветной дымке. Ему казалось, она сама, эта белёсая мгла, и леденит лицо, пальцы и шею. Как восемнадцать лет назад, когда вот так же они с отцом последний раз рыбачили вместе. Он прожил десять зим, пальцы мёрзли, руки и спина костенели, но грёб с одной мыслью: «Я крепкий, сильный, как ты, папа. Не то что малец Одо».

В тот день буки будто перестали быть такими высокими, озеро – широким, а горы – неприступными, ведь он сам наловил с десяток полосатых колючих окуней и даже зацепил острозубую щуку. С ней отец помог, приговаривая: «Терпи, терпи, тогда и улов всегда будет», и придерживал одной рукой лесу из конского волоса, в которую Людер вцепился, стиснув зубы, так она жгла ладони. К вечеру мать потушила рыбу в белом вине, и по сей день он не помнил, чтобы ел пошуз вкуснее.

...Когда на дне лодки забились два окуня и тройка линей, дымка рассеялась. Открылся берег, откуда, блестя лысиной на взошедшем солнце, махал и что-то кричал Брюн. Рядом крутился Крувс, а вот кряжистый человек, сидевший на прибрежных камнях, заставил Людера быстрыми рывками смотать уду и вставить вёсла в уключины. Уже сходя на берег, он распознал в нём – по широкому скуластому лицу – гепида, и только хотел спросить, где Бливел, как взгляд остановился на сине-фиолетовой руке. Она валялась в шаге от гостя, а с её локтя взирала голова вепря.

– Фроил, – начал Брюн, но умолк, когда Крувс, лизнув хозяина в курчавую чёрную бородку, получил взбучку.

– Сидеть! – рявкнул Людер на пса, который в ответ гавкнул, а его передние лапы оставили грудь хозяина и опустились на прибрежную траву. – Брюн, я, как и ты, всю ночь помогал с бочкой, – продолжил уже ровным голосом, изучая едва заметные порезы под глазом и на шее гепида, – а сегодня хотел пошуз с такими, знаешь, небольшими нежными кусочками рыбы в чесноке, луке и сале. И знаешь, чего хочу сейчас?

– Люд, может, хотя бы его расспросим? – сглотнул Брюн слюну и перекрестился.

– Нет, ты не понимаешь. Я хочу взять топор и порубить на пошуз дюжину длиннобордых, которые сначала лишили меня отца, а теперь как издёвку присылают вонючий кусок гепида. Чего это он лыбится, а, Брюн?

Фроил скалил кривые зубы. Взгляд его переходил с высокого черноволосого «рыбака» с холодными голубыми глазами и рунической вязью на шее на лысого жилистого бургуанда и обратно. Меч, под который Фроил уже склонил голову около десяти дней назад, отсёк руку главаря по локоть, и лангобард взамен лёгкой смерти поручил доставить послание.

В поисках Людера он набрёл на вдову, что обменяла горячий пошуз на не менее горячие ночи с ним. И хотя она сожалела, что из-за боли он не может пустить в ход изрезанные мечом ладони, тем не менее радовалась ладной твёрдости самой важной для неё конечности. Теперь же от известного слова среди малознакомой речи под кожей у Фроила потёк приятный жар, отчего губы сами собой расплзлись в улыбке.

– Чего скалишься? – бросил Брюн в лицо гепида.

– Пошуз очень вкусно, – ответил Фроил на вульгарной латыни. – Я могу наловить ещё, и тогда мы хорошо поедим.

– Если бы римляне не воевали со всеми подряд, то так бы и лыбились друг другу, – уяснил Людер, что Фроил не понимает франко-бургундскую языковую смесь, на которой они говорили прежде. – Забирай кусок своего главаря и проваливай, – рявкнул он уже на латыни, – иначе Кривс прибавит тебе ран.

Услышав своё имя, пёс гавкнул, вскочил с места и стал обнюхивать гепида. Фроил удивил. На его лице не дёрнулось ни жилки, он только шире расставил ноги, а взгляд был твёрд как сталь.

– Ночей десять назад я выбирал между двумя смертями, а потому предпочту получить золотых монет.

– Видел наглеца? – обратился Людер к Брюну.

– Не зная имени, не отомстишь, – сказал Фроил.

– Что ж, интересно, но стоит только чаши вина, – шагнул вперёд Людер и навис над Фроилом, – а вот если шайка головорезов снесёт башку тому, за чьё имя хочешь монет, то сговоримся.

– Что же, можно, но нужна добрая сталь и припасы.

После недолгой беседы, закопав обрубок руки, они наблюдали, как Фроил отгребал от причала.

– По милости небкс поем всё-таки пошуз, – гладил Людер пса, – а ты намилуйся с Фёли, завтра отправляемся в Аврелиан⁶, – и продолжил в ответ на недоумённый взгляд друга: – Потревожим дряхлого ворона.

*Центральная Франкия
крепость Аврелиан*

Спустя пятнадцать дней пути тёплое солнце нагревало головы Людера и Брюна среди городской суеты и гама, где множество людей разного вида и рода занятий поднимали пыль с мостовой.

– Всё-таки хорошо, что обернулись в правую веру, – сказал Брюн, когда они вышли на улицу, ведущую прямо к базилике, где король Гунтрамн был на вечерней литургии, – пьёшь вино из позолоченного потира как и знатные люди. Не то что у ариан: нам деревянные кубки, а знати – золото.

– Как вижу, тебе нравится быть католиком (ортодоксом), да, Брюн? – ответил Людер, моля Господа, чтобы король был в добром расположении духа и дал ему хорошее оружие, припасы и толику золота для наёмников.

– Ага... Как-то спокойнее, – перекрестился Брюн. – Тихо, тихо, милая, – похлопал по шее лошадь, взбрыкнувшую на злобный лай собачьей своры. – Пошли прочь! Кривса на вас

⁶ Современный Орлеан

нет, – поднял булыжник и метнул в их сторону. Сам же не унимался: – А вдруг арианские церковники лили знати вино слаще, чем нам?

– Уймись. Вино, не вино – король принял такую веру, и мы с ним, – потянул Людер под уздцы коня прочь от охапки сена, что упала с проезжавшей телеги, – пусть хоть вода, лишь бы башку за ересь не срубили.

На входе в базилику они преклонили правое колено, окунули пальцы в кропильницу и перекрестились. Людер стал высматривать пурпурную мантию короля среди людей, заполнявших скамейки в центральном нефе. Палочки ладана испускали благовонный дым, который белыми облачками поднимался под двускатную деревянную крышу, откуда оконные проёмы в каменных стенах дарили яркий свет всему четырехугольному помещению.

В первом ряду корона на седых жидких патлах соседствовала с милой девичьей головкой в окладе из русских завитков. Заметив короля, Людер потащил Брюна к ближнему столбу правого нефа.

Проповедь порхала сизым голубем над прихожанами, облетала колонны боковых нефов, и слова «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил...» как взмах крыла стряхнули пыль сомнений из мыслей Людера, хотя день начался погано. После прибытия во дворец дородный майордом королевского двора с ленивым самодовольством на лице так долго расспрашивал их о цели визита, что только двое стражей в железных латах уберегли его от зуботычины. А когда аудиенция была назначена через десять дней, Брюн едва удержал Людера от исполнения желания расквасить самодовольную мину.

– *Ite, liturgia est*⁷, – объявил священник, прихожане потянулись к выходу.

Король Гунтрамн, бледный и хмурый, с увядшим кустиком бороды, ковылял к выходу в окружении богато одетых лейдгов – с золотыми обручьями на запястьях, в расшитых шёлковых рубахах-туниках до бёдер и кожаных поясах с драгоценными камнями, и порыв Людера, вышедшего наперерез, стих. Он застыл на месте, члены словно окоченели – вспомнил случай, когда король приказал отрубить голову лишь за не очищенный после битвы топор.

Из ступора его вывели карие глаза молодой женщины, шедшей чуть позади короля, во взгляде которой он уловил насмешку и вызов. Людер пал ниц на одно колено.

– Господин мой король, прости мою дерзость, – с жаром заговорил Людер, не поднимая головы. – Я тот, кто первым ворвался в Ренн, чтобы вернуть Бретань вам, мой Господин. Могу я просить о милости?

– Встань, – сказал король скрипучим голосом, – мне говорили о тебе, – повернул он голову к лейду с горбатым носом, чьё запястье охватывало золотое обручье, звенья – львиные гривы с разинутыми пастьями.

Тот зашептал королю на ухо, Людер поднялся, и сердце его пропускало удар за ударом.

– Ты лишил меня золота, – заговорил король, выслушав лейда.

– Простите меня, мой король, но я не мог так поступить.

– Но поступил. Убил знатных бретонцев, за которых я получил бы выкуп от их родни.

Людер почувствовал себя, как тогда на озере в лодке, десятилетним: «Чтоб всё твоё вино скисло, проклятый лейд. Я под стрелы лезу, а ты вынюхиваешь».

– Они просили избавить от позорного плена.

– Скорее зарезали бы себя сами, чем стали просить. Да и не вправе ты был решать за своего короля, как поступать с пленными, – повысил король голос и, показалось, что огоньки всех свечей на стенах задрожали.

Ноги подгибались, Людер звал всех известных богов, древних и нового: «Вотан, Донар, Фрей, помогите. Христос, верю, что ты равен Богу Отцу и един со Святым Духом. А то, что было, – так-то бесы попутали».

⁷ Идите, литургия окончена

Хозяйка русых волос и карих глаз, с которой несколько мгновений назад сцепился взглядом, шагнула вперед, и её тонкие губы что-то шепнули королю.

– В чём твоя просьба, бургунд? – спросил король.

– Прошу крепких мечей, копий и сотню золота, чтобы в Италии награть добычи для вас, мой король.

Лица лейдов скривились в ухмылке, оживление в свите короля вызвало эхо в пустой базилике, которую уже покинули остальные прихожане.

– Похвальное рвение, но греки⁸ уже предлагали мне пятьдесят тысяч золотых безантов за изгнание длиннородых, – болезненный кашель прервал речь короля: – Кхе, кхе... я отказал. И знаешь почему?

– Авары, – ответил Людер, проклиная себя за то, что полез к королю с детскими игрушками.

Девушка опять шепнула королю.

– Клотильда любит шипучее вино. Кхе, кхе... Будет рада, если доставишь бочонок из Шалона. С утра будь у майордома.

– Да, господин мой король, – склонил Людер голову.

Северо-восток Франкии

крепость Шалон на реке Марна

Утром второго дня осады лучники подожгли восточную башню. Густой чёрный дым ел глаза защитникам стен, мешал целиться, и едва солнце достигло зенита, как отряд, ведомый Брюном и Людером, прорвался внутрь. Начались резня и грабёж, вспыхивали пожары, кричали люди, над постройками не переставая звенел колокол.

Суматоха боя развела Брюна и Людера в разные стороны, и Брюн с воином в латах из металлических колец врывались в дома, забирали монеты, украшения и жизни.

В дом с прикрытыми ставнями напарник вошёл первым, вскрикнул, повалился на бок: кольца не спасли от удара вил. Брюн повернулся боком, выставив короткий меч вперёд, и вовремя: второй удар прошёл мимо, но кожаные латы на груди заскрежетали, боль обожгла левое плечо. Вилы пошли обратно, вцепился в черенок, удержал, дёрнул к себе. Человек налетел на клинок, вскрикнул, горячая влага обожгла Брюну правую кисть, и очень худой мужчина – два мосла и кружка крови – со стоном рухнул на пол.

Брюн осмотрел себя: зубец порвал на груди толстую бычью кожу, порез на плече – царапина.

– Дети... прошу, – услышал он сквозь стон.

Мужчина лежал на боку, руки обхватили почерневший от крови живот. Брюн огляделся: постель и стол с лавкой посреди деревянных голых стен, на входе напарник пускал красные пузыри, судороги терзали тело. Под столом жались друг к другу двое белокурых мальчишек, и тот, что постарше, держал ножик.

– Где монеты? – пнул Брюн отца. – Тогда не трону отпрысков.

– Там... в стене за постелью.

Нашулав в тайнике суконную тряпку с монетами, Брюн подумал, что замысел Людера посетить Аврелиан оказался не так уж плох. Хотя десять дней назад, обливаясь холодным потом в базилике, где перед королём поник Людер в лучших одеждах – белой льняной рубахе-тунике с бахромой, суконных штанах до колен и широким поясом из мягкой кожи с начищенными бронзовыми украшениями – мечтал, чтобы лошадь унесла как можно дальше отсюда.

⁸ Византия

Они вернулись из базилики на постоянный двор у реки среди густого леса, перейдя по мосту на южный берег Луары. Людер даже не взглянул на Кривса, который гавкал в загоне. Вечер кончился после трёх кувшинов крепкого вина.

Когда Брюн проснулся, постель Людера была пуста, а вернулся тот уже по самой жаре. Они стояли у ограды загона, и Людер бросал псу куски сырой козлятины.

– До самого Шалона будешь без мяса. Значит, суёт королевскую грамоту и говорит: «Король даёт тебе отряд, чтобы взять Шалон». Я думаю, чего это он против родного брата затеял, но молчу, решил не спрашивать, мало ли. Вот, прожора, на, – ещё один кусок упал на траву рядом с псом. – Так она потом и говорит: «Имей в виду, в Шалоне каждый захочет тебя убить». Я ей: «Даже мелкота и бабы?» – Кривс зарычал, его зубы рвали свежее мясо. – А она уставилась бесовскими глазами и молчит...

– Не хотел бы таких родичей, – вытер Брюн пот со лба, – хотя слышал, Хильдеберт этот не той веры.

– Вот ты меднолобый, если думаешь, что короли будут воевать из-за того, что у одного епископы говорят "Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу", а у другого – "Слава Отцу через Сына во Святом Духе". А вот Клотильда эта – никак не могу взгляд её забыть, аж пробирает до самого нутра, где семя бурлит, – оказывается, двоюродная сестра Хильдеберта. Так что про родичей верно подметил.

...Левая ладонь ощущала приятную тяжесть монет, а вот меч в другой показался Брюну гадко лёгким, когда сдвинутый стол открыл испуганные лица детей. За окном гавкнул пёс.

– Кривс, ко мне, – позвал Людер, и увидел, как Брюн выскочил из дома: на правом боку, у талии, была разрезана кожа лат, текла кровь, как и по левому плечу. – Кто там?

– Живых никого, – бросил Брюн на землю окровавленный ножик.

– Знамена Хильдеберта! – крикнули со стены.

– Не уйти, – закинул Людер на плечо двустороннюю секиру, зазвенев кольчугой, одетой поверх длинной бурой рубахи с кожаным поясом. – Никого не трогать! – последовал его приказ.

– У тебя веление короля опустошить город, – подскочил горбоносый лейд, ткнул пальцем в Людера, отчего золотой браслет из львиных пастей чуть не слетел с руки.

– Но не подыхать здесь, – парировал Людер и оглядел воинов, что смотрели на них. – Живые бабы и дети дают нам возможность выбраться живыми. Закрывайте ворота!

Белые флаги над парламентёрами, что встретились в полумиле от ворот, алели от лучей оранжевого диска, наполовину севшего за горизонт. Брюн морщил нос от чада факелов на крепостных стенах. Молчание воинов, неотрывно следивших за переговорами, разбавляли детский плач и громкие стенания за их спинами, где трещал огонь одиночных пожаров и съедал тела убитых.

– Они не согласились, – сказал горбоносый лейд, когда они с Людером въехали в ворота, – атакуют не позже утра.

Людер промолчал. Казалось, он отрешился от происходящего, потому предоставил распоряжаться лейду, а сам, спрыгнув с коня, стал промывать порезы Кривса, сидящего на поводке у ограды одного из домов. Брюн не стал лезть с вопросами. Разжёг костер, и когда цыплёнок уже загорел до аппетитной корочки, Людер всё ещё трепал пса за уши, по холке, что-то шептал.

Брюн обглаживал ножку, когда Людер сел рядом.

– Надо всё-таки хлебнуть шипучего вина. Будь неладна эта Клотильда, – произнёс Людер, вгрызаясь в сочного цыплёнка. Вокруг них болтали и чавкали, бряцал металл, а сверху, выглядывая из-за сумрачных туч, взирал тусклый месяц. – Видел в подвале бочонок. Идём, поднимем.

Бочонок же вызвал у Брюна тоску по белокурым локонам Фэли, чья прохладная ладонь гладила его лысину, когда губами касался её влажного лона. Мысли вернулись к тем мальчиш-

кам под столом. Он подумал тогда, что малыши Фэли тоже будут белокуры, как мать, а потому пошёл к выходу, но боль в правом боку остановила: детская рука ударила ножом в спину, и если бы бил не ребёнок, то не отделался бы порезом.

– Тьфу, аж скулы перекосило, – выплюнул Людер вино, когда отпил из вскрытого бочонка. – Клотильда, дрянь бесовская, вошла сюда, – постучал левым кулаком по груди, – как топор в мясо. Пусть хоть она не будет на вкус такая же кислая. На, хлебни, – протянул кружку, – вдвойне полюбишь наше густое красное.

– Я не смог, – начал Брюн, но прервался от кислятины и пузырьков, что заставили скривиться, – не смог их тронуть.

– Кого? – шарил Людер при слабом огоньке свечи по комнате, зашёл в кладовую: там затрещало, звякнуло разбитое стекло.

– Тех мальчишек в доме. Когда ударил меня, то лишь затрещину получил. Нож я отобрал, и всё, ушёл. А мы же клялись служить королю.

Людер оказался перед Брюном с мотком пеньковой верёвки на плече, лезвия секиры поблёскивали за спиной, а его глаза сверкали жёлтыми бликами от огня свечи и, казалось, лезли в душу.

– Сами сдохнут, – Людер тряхнул за плечо, – Брюн, не нюнься как баба. Я иду в лагерь Хильдеберта. На тебе: отвлечь часовых на стенах, чтоб я спустился.

– Как же?..

– Ты нужен здесь, – прервал Людер. – Если сговорюсь, взамен они потребуют открыть ворота, а если... корми Крувса! Ты знаешь, он любит говяжьи мослы. Идём, – шагнул он к выходу, – и любое сырое мясо, лучше телятина, но сойдёт и козлятина. В общем, мой замысел таков...

III

*Баварское герцогство
крепость Регенсбург,
Сентябрь, 588 г. н. э.*

На рассвете ливень усилился.

Холодные капли били Теоделинду в ладонь. Они щёлкали по башням, стенам и внутреннему двору крепости. Земля размякла до склизкой грязи так, что сын повара шмякнулся задом в лужу, когда нёс хлеб к утреннему столу.

Теоделинда убрала руку из оконного проёма. Через него в спальню заглядывало серое небо, а белый дым из кухни безуспешно искал в нём просвет.

«Если весь день будет так лить, зерно побьёт, – она разглядывала конюшню и свинарник в дальнем углу крепости, – сейчас бы надо пойти на кухню, проследить, чтобы хватило мяса на вечер, да поля объехать – проверить, как ячмень убирают, а тут наряжайся и сиди за столом... Решилось бы всё наконец... Он статен и приятен лицом. Хотя оно не такое красивое и открытое, как у Тассилона, но и щербинок нет, как у Гримоальда... Да, и надо наказать, чтобы гостям сменили постели».

Сзади хлопнула дверь – это вошла служанка с кувшином в руках. Теоделинда обернулась.

– Пора выйти к гостям, Теоделинда, — сказала служанка, и морщинки на её лице пробудились, придав ласковому взгляду искущённости и опыта.

– Да, Херти. Все собрались?

Теоделинда села на скамью у зеркала из отполированной бронзы. В отражении увидела, что Херти вытащила гребень из складок длинной, до пят, коричневой рубахи.

– Не знаю, дорогая, но Тассилон и Гримоальд уже спустились, когда я тащила свои кости по ступеням. Они с каждой зимой кажутся всё круче и круче. Твои братья опять грызлись из-за чего-то.

– Все равно Гримоальд больше дружен с Тассилоном, чем Гундоальдом.

Херти перекрестилась и запустила гребень ей в волосы:

– Твоя мать хоть не рожала Тассилона, но заботой и лаской не обделяла.

– Я так мало её знала.

Зеркало с потускневшими краями показывало Теоделинду: юную девицу с волнистыми волосами светло-каштанового цвета длиной до середины плеча.

«Мать, ты так же смотрелась в зеркало, когда собиралась к гостям?».

Лишь улыбка и тепло ласковых рук. Вот и всё, что она запомнила за первый год жизни, прежде чем лишилась матери.

– Херти, скажи, как ей было с королями?

– Если тебя беспокоит женитьба на человеке не королевской крови, то знаешь, я служила твоей матери в то время, когда она первый раз вышла замуж за франкского короля и не родила ему детей. Он умер. Видно, она изрядно шевелила его чресла на ложе, — хмыкнула Херти. — И зачем рассказываю? Ты уже всё много раз слышала. Видно, чем круче с зимами становится лестница, тем больше у меня развязывается язык.

– Ничего, Херти. Ты иногда говоришь так забавно.

– Жилось ей хорошо. И со вторым, хоть приближённые заставили его от неё отказаться. А он так желал её, что, может быть, сам брата и умертвил, лишь бы к ней подобраться. Она так сначала горевала — из-за того, что её твоему отцу отдали. Ведь он был всего лишь вождём

рода, а она принцесса. Я тебе скажу: если бы её отец тогда был жив, а длиннородые в то время смогли короля выбрать, то они такого не потерпели бы, воевать стали.

Херти отошла в глубь комнаты, где стояли кровать и сундуки. Теоделинда поднялась, когда увидела в зеркало, как служанка несёт длинное платье без рукавов из зелёного шёлка, вышитое золотыми нитями.

Теоделинда рассматривала себя в зеркало, пока Херти расправляла на ней платье.

– Всё же мне кажется, что с твоим отцом она была счастлива. И детей родила, троих. Хотя Гундоальд, видно, почуял, что заморышем появится, никак вылезать не хотел. Вот и померла... — Херти оглядела Теоделинду. — Точно как мать. Принцесса!

– Надеюсь, не придётся ради мужа красить лицо зелёной глиной, как делают в битвах мои длиннородые родичи.

– Не довелось мне видеть ни одного лангобарда в бою, — ответила Херти. С её лица сбежало благодущие. — И как выглядит такое чудо — не знаю, но если понадобится, ты ради семьи себе любое место вымажешь грязью. Ладно, иди. Жениху без тебя, наверное, кусок в горло не лезет. И держись как королева, — сказала Херти строгим голосом, — хоть отец и братья всё решат за тебя.

Людеру в горло пролез уже не один кусок холодной жареной свинины и влилась не одна кружка пива, чей привкус копчёностей — из-за добавления обожжённой дубовой коры — очень пришёлся ему по нраву.

Тогда, под Шалоном, он явился в лагерь Хильдеберта с простым, как крестьянский завтрак, предложением: есть пятьдесят тысяч золотых за возврат Италии, есть бавары, пока ни к кому не примкнувшие, и есть союз аваров с лангобардами, который он готов развалить.

В знак верности он, с помощью Брюна, открыл ворота в Шалон. Воины Хильдеберта перебили весь отряд, что ему доверил король Гунтрамн. В живых остались они вдвоём с Брюном.

Спустя пятнадцать дней Людер с Брюном уплетали тушёную телячью голову в таверне Меца⁹.

Брюн отхлебнул из чаши:

– Какая сладость, ммм, как вишнёвый сок.

Людер же не ощущал вкуса ни вина, ни мяса, ни соуса из горчицы, уксуса, растительного масла, яиц, лука шалот, чеснока, петрушки, каперсов и корнишонов. Такое же смешение разноречивых чувств захватило его, поскольку вероятная женитьба на дочери баварского герцога стала неожиданной зазубриной на его плане, гладком и остром, как меч. Брак открывал ему возможность и самому стать герцогом, но удручала его не потеря Клотильды — она была недостижима, как луна и звёзды, — а то, что будущая жена — внучка лангобардского короля Вахо, чья войска вторглись во Франкию, и в битве против них погиб отец.

– Слушай, Людер, пока будешь дочку Вальдрады охмурять, отвезу Фэли подарков. С бабой-то и один справишься, — сказал Брюн хмельным голосом.

Вошла девица с кувшином вина и открытым пирогом, а следом в гостевую комнату из общего зала вместе с ароматом копчёной грудинки, что выстилала печёное тесто, ворвались пьяный гогот посетителей, свист флейты, звон бронзовых кимвалов.

– Нам потребуется большая удача, — Людер постучал пальцем по эдельвейсу, выколотому на лысом черепе Брюна: — Какого хряка ты нацарапал этот цветок, если оставишь меня, когда она так нужна?

Лавка скрипнула под Брюном, когда он отстранился от пальца Людера.

– Отстань, лейд Людер! А ты, — рыкнул Брюн на девицу, — прибери стол и зажги свечи, уже только на зуб разберёшь, где мясо, где кости.

⁹ Столица королевства Хильдеберта

– Конечно, господин, – ответила она с безмятежностью мелкой лужи в безветренную погоду.

Грудью Людер навис над столом, где дымился круглый пирог с золотистыми краями, где торчала среди варёных картофелин наполовину обглоданная бледно-розовая телячья голова и где понуро стояли два пустых винных кувшина.

– Да если оправдаем доверие короля, да ещё золото греков будет, сам лейдом станешь. Король земли даст, чтобы вы там с Фэли детишек наделали.

Прогорклый запах сальных свечей заставил Брюна сморщить лицо.

– К хряку лейда и золото. У меня и так достаточно, чтобы прожить в довольстве на нашем озере.

– Не против, если этот цветок, – сказал Людер девице, указав на голову друга, – примкнёт к твоему?

Девица хищно осклабилась, схватила пустые кувшины и смахнула крошки со стола.

– Только пусть возьмёт по монете для каждого из моих бутонов, — выставила она грудь. — ...Если желаете — не мешкайте, а то уже вечер, и завсегдатаи скоро потянутся на меня, как пчёлы на медонос.

Брюн отмахнулся. Вино смешало у него в голове хмель и тоску по Фэли.

Людер буравил его взглядом.

– Как погиб Одо, у меня есть только ты и Крувс.

Кувшин в руке Брюна наклонился, вино с брызгами ударилось о дно чаши Людера, а затем его. Брюн удивлялся истории младшего брата Людера – тот погиб в набеге на лигурийские сёла. Пятнадцатилетний Одо погнался за тремя детьми, старшему из которых вряд ли минуло десять зим, а позже его нашли с дырой от кинжала на шее.

Брюн поднял чашу.

– За лейдов! Эдельвейс принесёт нам большую удачу... Если только Теоделинда не безобразна, как старая коряга.

– Пусть лучше коряга. Не так жалко пустить по реке.

...Когда Теоделинда вошла в главный зал крепости, Людер в очередной раз упрочился в убеждении, что неспроста два брата-короля повздорили из-за её матери. Следуя мимо длинного дубового стола к поперечной торцевой части на возвышении, чтобы занять место по левую руку от младшего брата Гундоальда, она опять показала свои стати в достойном свете. Людеру пришли на ум первые слова Брюна, что он произнёс после знакомства с семьёй баварского герцога Гарибальда: «Да это самая холёная и резвая кобылка из виданных мной лошадей!».

Сердечный обмен приветствиями между Теоделиндой и всеми в зале, казалось, поправился небу. Оно посветлело, словно обрадовалось, что среди тёмно-серых каменных стен с головами медведя, кабана, лося и чучел птиц, кроме служанок появилась знатная дама. И через оконные проёмы позволило пасмурному свету помочь дымным факелам озарить прямоугольное помещение под полукруглыми сводами.

– Прелестный наряд, сестрёнка. Однако это не мешает твоему жениху трескать угощения, — пробурчал неизменно угрюмый Гримоальд набитым ртом.

Он сидел по правую руку от отца, как старший сын и первый наследник. Рядом с ним Тассилон хрустнул яблоком.

– Мужчина, утолив голод и жажду, всегда готов на подвиги, — Тассилон окинул взглядом развешанные по стенам круглые и каплевидные щиты, копья, мечи, топоры, разноцветные знамёна поверженных врагов.

Гримоальд вытер ладони о свою светло-коричневую блузу.

– Я и смотрю, сколько в соседних деревнях обрюхаченных тобой подвигов.

Теоделинда потянула младшего брата за рукав.

– Гундоальд, за кого бы я ни вышла, нам придётся вступить с ними в союз. Почему тогда Гримоальд так против лейда короля Хильдеберта?

– Твой брак с кем-то королевской крови приблизит нас к королю. А если с лейдом, то станем лишь одними из вассалов, и он потеряет власть, что унаследует, — прошептал Гундоальд, повернув к ней безбородое лицо. — Лучше тебе стать королевой. Тогда бы и меня не забыла. Сделала, например, герцогом. Да, сестрёнка?

– Я бы и Тассилону помогла.

Её взгляд задержался на Людере. Он спорил с одним из баварских лейдов, его размеренные движения и крепкое сложение сулили ей уютную и спокойную жизнь, как за крепостной стеной из толстого гранита. Теоделинда прислушалась к себе, но сердце не отозвалось. Как заблудший ягнёнок, она обратила взор на пустое кресло отца.

– Почему нет папы?

– Был в своих покоях, — пожал Гундоальд плечами, — вот только нашему сводному брату всё равно, за кого ты выйдешь. Говорит, лишь бы сестра была довольна и детей нарожала.

Вскоре размашистым шагом отец внёс своё грузное тело в зал. Несмотря на бодрый голос, на его избитом годами лице с белой бородой явственно проступала озабоченность. Завтрак закончился, и отец обратился к ней, но так, чтобы слышали все:

– Теоделинда, гости скучают по родным землям и скоро нас покинут, а потому, раз уж тучи дали место солнцу, прогуляйся с ними по окрестностям.

Мужчины вокруг обменялись многозначительными взглядами, и когда Теоделинда вышла из зала вместе с Тассилоном, он подмигнул ей со словами: – Сегодня до заката решится.

В то время как Теоделинда, Людер и Брюн в сопровождении шести вооружённых баваров и трёх франков – лейдов короля Хильдеберта – выехали через восточные ворота, герцог Гарибальд занял кресло в главном зале. Он ждал сыновей. За последние две зимы его пятидесятилетнее тело каждое утро напоминало, что у него есть суставы, что в одной из битв выломали кусок правого ребра, что на левом предплечье надрублено сухожилие, а теперь ещё и от полученных утром известий в затылок пришла тупая боль.

На рассвете он получил два послания. Сидя за столом в спальне, развернул свиток из Меца: сведения неприятные, но ожидаемые. А вот когда прочитал послание лангобардов, то так треснул кулаком по дубовым доскам, что пышнотелая девица от испуга выскочила из постели и убежала.

– ...Уверен, Хильдеберт даст Людере земли с крестьянами, если он женится на Теоделинде, – заговорил Тассилон. – Но я так понимаю, отец, мы собрались потому, что нас пихают глубоко между конскими ягодицами? – кивнул он на свиток перед герцогом.

Герцог смял свиток, оглядел сыновей.

– Я надеялся по-тихому связать нас с франками и обрести союзника на многие годы. Но кто-то среди приближённых проболтался. С умыслом или нет – пока не знаю... Если отбросить все эти заверения в дружбе и прочую чушь, то смысл послания в том, что Аутари ждёт вашу сестру. Ждёт, чтобы вместе с ней – дочерью принцессы Вальдрады – править королевством.

Гундоальд подал вперёд узкие плечи. В свои семнадцать лет он выглядел едва на четырнадцать, а расшитая шёлковой нитью серая рубаха выпячивала его шуплость.

– Длиннобородые достойный союзник. Ни римляне, ни франки их не тревожат.

Гримоальд бросил грозный взгляд на младшего брата, а щербины на лице, казалось, ещё сильнее врезались в кожу.

– Когда бороду отрастишь, то, может, в башке что прояснится. Длиннобородые хотят только Теоделинду. Франкам же нужно наше войско, и мы можем с ними договариваться. Отец, что если гонец Аутари пропадёт на обратном пути, а я отправляюсь к Хильдеберту, чтобы получить выгодную сделку для нас? Пока прибудет другой, мы сторгуемся с франками.

После слов старшего сына у герцога даже ушла боль из затылка и стало легче на сердце: «Ты почти готов занять моё место. Однако Аутари ещё тот лис».

– Гонцов было два, и один из них уже на пути обратно, так что он будет знать, что я получил послание, когда мы ещё не дали ответ. Но ещё хуже, что послы уже на пути сюда. У нас нет времени на переговоры с франками.

– Отец, я согласен с Гундоальдом, что лангобарды сильный союзник, – опять вступил Тассилон в разговор. Лицо его, как и всегда, светилось жизнелюбием. – Может, Теоделинда желает быть королевой? ... Или захочет стать женой того, кто ей приглянулся? Наша мать же вышла за рядового вождя одного из родов, а не герцога всех баваров.

Братья молчали и смотрели на отца. Он же словно вернулся в то время, когда Вальдрада стала хозяйкой в его деревянной халупе: вспомнил, как после рождения Гримоальда ощущал себя королём, способным противостоять всем древним богам, как жгли её глаза из-за Тассилона, как чуть не запорол до смерти пуповязницу после рождения Гундоальда.

«Так может и правда позволить Теоделинде найти своё счастье?».

Теоделинда вела Брюна и Людера узкой змеистой тропой среди елей и буков, брызгавших с тёмно-зелёных ветвей дождевыми каплями и запахом хвои, пока лес, отступив с десятков шагов, не оголил каменистую рану в пологом склоне. Здесь словно великан рубанул топором, отчего земля разошлась на десятки миль вправо и влево и теперь глубоко на дне кровоточила едва слышной речкой.

– Мне нравится вон та поляна. Как часто пропасть не пускает нас к тому, что любим, – показала Теоделинда за широкое, в сотню шагов, ущелье, где в низине ели и пихты выстроились изгибистым хороводом вокруг лужайки с волнистой травой и оранжевыми, голубыми и белыми цветочными пятнами. Там громоздились три серых валуна с мшистой опушкой. Они выглядели как низкорослые люди с жёлто-зелёными волосами, которые остановились передохнуть и теперь всматривались что происходит на противоположной стороне пропасти.

Она бросила взгляд вправо, где Людер сломал ногой в кожаной обмотке горную лилию цвета пламени и сорвал стебель душистого ясенника с четырьмя сиреневыми лепестками. Брюн же, сунув большие пальцы за широкий кожаный ремень вокруг серой шерстяной рубахи до середины бёдер, направил острую бороду на туманные лесистые холмы далеко впереди, над которыми у самого горизонта высилась белоснежная вершина.

– Можно перейти пропасть, спустившись на дно, – сел Людер на камень и свесил ноги вниз, в ущелье. – Мы с братом поднимались по склону, когда не стало матери, и разглядывали, как внизу блестит озеро с десятком лодок-щепок. Иногда оно было ярким от солнца, иногда сверкало чернотой под тучами, но оставалось безразличной ко всему холодной водой.

– А мне вот любопытно, что наглый гепид делает, – вставил Брюн, и его поддержал стук дятла в лесу за спиной, откуда едва слышно гавкал Крувс. – Опять рыбу ловит?

– Вряд ли, – сунул Людер стебель цветка себе в зубы, – думаю, он уже в пути.

– Если взлететь как птица, то не пришлось бы спускаться так глубоко, – вздохнула Теоделинда, услышав протяжный крик «ки-и-и, ки-ки-и» – это над поляной за ущельем, куда выбежало семейство пугливых косуль, промелькнул ястреб. – Что стало с вашей матерью? – обхватила она плечи руками.

Здесь, на возвышении, ветер студил, и даже расшитый кожаный жилет поверх шерстяной рубахи не спасал от мурашек. Холодок пробирался и под суконные штаны, что спрятались под юбкой с золотой брошью в форме парящего сокола.

– Если взлететь, то и плюхнуться недолго, – пнул Брюн камешки в расщелину.

– Мать зачахла через две зимы после того, как не вернулся отец, – взглянул Людер на Теоделинду.

– Что значит такой рисунок на коже? – обратилась Теоделинда к Брюну. – Никогда не видела ничего подобного.

Тот опять уставился вдаль, замолчал, и только ветер шумел, кричали птицы, лаял пёс под стук дятла.

– У меня от них спина в мурашках. Не люблю, когда кто-то сзади, – обернулся Брюн к двум баварам в суконных жилетах с нашивками из толстой кожи, с короткими мечами на поясе и фрамеями¹⁰ в руках. Они стояли в пяти шагах позади Теоделинды.

– Я привыкла. Не отпускают одну, – улыbnулась Теоделинда. – Не удивлюсь, если в приданом будет сотня воинов... Так расскажите про эдельвейс.

– В четырнадцать я спустился с отцом в долину на ярмарку. Она была старше на три зимы, и сказала, что выйдет за меня, если привезу с гор живой эдельвейс. Но каждый раз с них слетали белые, как первый снег, ворсинки. Они чахли. Я поднимался снова, пока спустя зиму не привёз один... Но она сбежала с каким-то заезжим купцом... Вдруг встречу её – а цветок уже со мной, – улыbnулся Брюн, провёл ладонью по лысине.

– Если бы не слышал на каждом постоялом дворе, то разрыдался бы, – выплюнул Людер изжёванный стебель, встал и подтянул штаны под шерстяной рубахой с вырезом на груди в форме наконечника стрелы. – Почему не спросите, что стало с моим отцом? – шагнул Людер вплотную к Теоделинде, чем дёрнул с места двоих баваров.

Она развернулась к нему. Прямой взгляд его холодных голубых глаз заставил её опустить взор, и она пошла к тропинке, которая привела их сюда, но прежде сказала:

– Зачем? Вряд ли умер в постели. А даже если и так, не думаю, что он был счастлив. Все мужчины вокруг меня считают недостойным испустить дух на ложе. Как и вы, и как, возможно, хотел ваш отец.

На половине пути, когда стволы скрыли сзади голубую ширь с белыми прожилками облаков, когда уже были слышны голоса баваров и франков, оставшихся с лошадьми на прогалине, Теоделинда ушибла ногу об один из многих корявых корней, стелющихся по земле. Она усе-лась на камень, потёрла пальцы под башмаком из красных и белых кусков тонкой кожи.

– Надо же... столько хожу здесь... первый раз, – говорила она и ощущала, как запыхала щеки, потому как корила себя за то, что засмотрелась на широкие плечи Людера. – Что там? – заметила трепыхание куста папоротника в десяти шагах левее.

Брюн ушёл было вперёд, но остановился. Людер отправился к зелёному кусту, где торчали голубые колокольчики горечавки.

– Попался, – поднял Людер что-то и пошёл назад, – зайчонок попался в петлю. Видно, детвора поставила. Эх, да у него лапа вывернута.

Крувс лаял громче и громче. Дым от костра блуждал среди деревьев, отчего Брюн вертел головой и принюхивался.

– Сверни шею, чтоб не мучился, и конец, – высказался он. – Вкусно пахнет. Видать, дичь зажарили.

Людер оказался рядом с Теоделиндой. Крохотный бело-серый комочек с чёрными бусинками-глазами подрагивал на широкой загрубелой ладони, отчего на запястье звякало золотое обручье из разинутых львиных пастей.

– Возьмите. Не слушайте. Несчастливая любовь сделала его сердце будто камень, – оскалился Людер в сторону Брюна, – подлечите, а потом отпустите... если пожелаете.

Всю обратную дорогу, до самого моста через Дунай, за которым стояли крепостные стены с четырьмя островерхими башнями, а вокруг теснились крестьянские домишки, Теоделинда молчала. Она прислушивалась к горячему комочку, что подрагивал за пазухой. Ей казалось,

¹⁰ Копьё

что её кожа горит, и она с силой сжимала ногами круп лошади, бросая быстрые взгляды на Людера.

Солнце прощалось с предзакатной синевой. Над крепостью поднимались столбы дыма от кухни и кузницы, на подсохшей дороге скрипели крестьянские повозки с мужиками в бурых туниках. Они покинули рынок у крепостной стены, чтобы дома, в кругу семьи, поужинать овощным рагу с куском чёрного твёрдого хлеба.

– Знали, что на месте крепости размещался римский лагерь? – заговорила Теоделинда с Людером. – Около тысячи воинов проживали здесь постоянно.

– Они знали, где их ставить. Какой город ни возьми, там раньше стояли римляне, – ответил Людер, не отрывая взгляда от дороги. – Твой брат там.

Под колокольный звон, что звал на вечернюю литургию, навстречу им скакал Гундоальд. Теоделинда стиснула поводья, а зайчонок заелозил на груди, словно ощутил удары её сердца даже через рёбра.

IV

*Северная Италия,
крепость Турин,
Август, 588 г. н. э.*

Протяжный рёв трубы взлетает от северных ворот. Он мчится вокруг терракотовых стен и поднимает чернокрылых дроздов с десяти квадратных башен.

У южных ворот кузнец лупит по куску раскалённого металла, но слышит сигнал и замирает. Он поднимает глаза, но труба замолкает, не запев второй раз, и наковальня опять выкидывает звон под прямые лучи жаркого солнца. Три альдия¹¹ возобновляют беседу у своих повозок, с которых два коротковолосых раба снимают бочки вина, мешки зерна и тюки с тканями. Блестя потными спинами, невольники уносят всё в сарай рядом с кузней.

Ватага босоногих мальчишек в бурых туниках отворачивается от раскалённого железного прута, брызжущего искрами. И с криками «Бежим! Быстрее!» несётся мимо базилики из серого камня, прыгая через свежий навоз, – по булыжному проходу, усеянному пылью и россыпью соломы.

Оллард не следует за ними: «Нельзя! Мать тоже выйдет встречать – не пустит на стену». Он выхватывает деревянный меч из-за суконного пояса и – направо от базилики, на пологую лестницу. Она приведёт его на дощатую площадку шириной в пять шагов, что двумя ярусами охватывает внутри всю крепость.

С тяжелым пыхтением дыхание рвётся из груди, когда он карабкается на высокие ступени. На середине лестницы Оллард падает на правое колено, и огрубелые древесные волокна вспарывают ещё тонкую детскую кожу. «Нет, нет! Не болит!» – стискивает зубы, чтобы не заплакать. Трогает кровавую ссадину, а затем влезает на первый ярус. И... нет сандалия на ноге. С высоты в двадцать пять фусов видит внизу кусок бычьей кожи с пеньковой шнуровкой. Мешкает: «Вниз? Тогда не успею... Ладно, так и так влетит, что залез сюда» – и шлёпанье босой ступни по дубовым доскам следует тенью за его бегом над жилой постройкой вдоль восточной стены.

Он семенит под верхним ярусом, мимо закруглённых проёмов в стене, где мелькает мутно-зелёная река. Оставляет позади с десяток квадратных опор, что держат доски, дальше слева – сразу после базилики – квадратная площадь. На ней три мальчика рубят мечами столбы в человеческий рост.

Рядом с ними крепкий воин с седой головой:

– Трубили не вам, хлюпики. Рубить с плеча! Локоть не сгибать!

Ещё четверо, постарше, кидают дротики в соломенные чучела, а другие двое дерутся на мечах.

Как-то отец сказал, что пройдут три зимы, и ему позволят надеть доспехи и взять щит с мечом, и тогда он стал каждый вечер спрашивать маму:

– Зима уже плошла?

– Скоро, сынок... Очень скоро, – улыбалась она, касаясь ладонью его головы, – ты станешь взрослым и сильным, как твой брат.

Однажды он задал матери вопрос, на который не находил ответа:

¹¹ Полусвободный крестьян – лангобард

– Почему Шаза спит в спальне Аго? Ему стлашно? Он же большой, и у него есть меч. Я видел только четьле зимы, но сплю один, – приподнялся Оллард на постели. – А моя няня спит там.

Мать рассмеялась, щёки её порозовели.

– Когда мужчина взрослеет, он хочет, чтобы ему служили и ночью.

...И вот Оллард у северных ворот. Его макушка едва достаёт до нижнего края стенного проёма. Он тянет руки к одному из дозорных:

– Подними!

– Где сандаля потерял, Оллард? – скалится тот и подхватывает на руки. – Видишь, вон там, где стадо пасётся... Впереди твой брат на Урузе, – показывает дозорный вперёд, повернув к нему лицо с багровым рубцом вместо правой брови, отчего его жёсткая русая борода тычет в грудь Олларда.

Второй дозорный оборачивается и кричит внутрь двора:

– Нет троих.

Внизу стоят мать Олларда, столесазо¹², марпий¹³ и двое слуг.

– Оллард, быстро вниз! Где сандалий? – кричит ему мать.

– Там, – показывает Оллард рукой в сторону южной стены, за которой высится лесистый холм.

Ватага мальчишек машет ему и голосит:

– Оллард, где они? Ещё далеко?

– Лядом, – выпаливает он, и мальчишки выскакивают через ворота наружу. Они кидают камни в собак перед воротами. В ответ – громкий лай.

За четверть мили до ворот всадники переходят на шаг. Они минуют альдиев на пшеничном поле, чьи жатвенные ножи срезают колосья, а затем оставляют позади – уже недалеко от стены – и крестьянские хибары.

Пока отряд въезжает во двор, Оллард спускается и подскакивает ближе. Крепкий, но желанный запах похода и конского пота бьёт ему в нос. Воины спешиваются, марпий и его сподручные забирают поводья, уводят лошадей направо от ворот, в конюшню – бывший римский амфитеатр.

– Смотри, смотри, у меня меч с волком, как у тебя, —подскакивает Оллард к Агилульфу. Тот подставляет ладони, и слуга льёт воду из кувшина. Умывается и пьёт.

– Хорошая палка, – Агилульф даже не глядит на мальчика и говорит столесазо: – Распорядись насчёт голубя: Ольф, северо-запад.

– А ещё двое?

– Они ещё в пути от Граусо.

Столесазо кивает, и они вместе с Агилульфом идут к входу в жилую постройку. Оллард бежит рядом и выкрикивает: «Покатай на Уузе, покатай», на что мать – она сзади в пяти шагах – говорит ему: «Подожди, Оллард. Ему надо отдохнуть. Иди ко мне».

– Отстань! Не сейчас, – обрывает Агилульф, отчего мальчик надувает губы и со всхлипами прячется у матери в ногах. Она гладит его русые волосы, оправляет ему тунику, и Агилульф встречает в её взгляде укор, но отворачивается к столесазо, чтобы спросить:

– Где отец?

– Убыл с королём в Сполето. Опять южане бунтуют, – отвечает столесазо, качнув лохматой головой. – Да, и здесь гастальд¹⁴ Муних.

¹² Распорядитель двора или казначей

¹³ Конюх

¹⁴ Представитель короля в нескольких герцогствах

– Расскажешь позже, – останавливается Агилульф на крыльце, – распорядись, чтобы накрыли в главном зале на всех, кто прибыл со мной.

Утром следующего дня, когда солнце перебросило лучи через левый приток реки По, чьи воды журчали мимо восточной стены, Лег зашёл в базилику; там пахло ладаном и соевыми свечами, свет через оконные проёмы падал на стены, и они выставляли напоказ грубо отёсанные камни.

Епископ Турина в чёрной дзимарре стоял в алтарной части, спиной к входу. Размах плеч, рост и движение головой, когда обернулся на звук шагов, напомнили Легу его командира, и если бы не короткая бородка, тонзура и одеяние, то его вполне можно было принять за – Агилульфа.

Лёгкая улыбка появилась на лице епископа и сдвинула кожу на угловатых скулах.

– Здравствуй, Лег.

– Здравствуйте, Ваше Превосходительство, – подошёл Лег.

Мирской служка поставил на алтарь два потира – деревянный и золотой, а затем его метла заскобила мраморные плиты.

Епископ поманил Лега за собой в правый неф, где притаился стол. На нём, распахнув страницы, на подставке стояла книга, а рядом блюдце с чернилами придавило потёртые листы пергамента цвета шафрана со следами стёртых текстов.

– Я слышал, потеряли Ольфа. Как это случилось?

– В него попали копьём, – опустил Лег глаза.

Он уселся за стол, взял гусиное перо, а листы пергамента лишились тяжести блюда.

– Боюсь, уже забыл всё.

– Ничего, со временем знания будут глубже проникать в память, пока не застрянут там, как наконечник стрелы, – похлопал епископ Лега по плечу. – Если мой младший брат смог, то и у тебя получится.

– Аго... Агилульф?

– Да, поверить трудно, но так и есть, – перевернул епископ страницу, палец постучал по трём верхним строкам: – Переписывай... Пятнадцать зим назад, в Перузии, я пленил священника. Что там меня поразило: храм был круглый, с толстыми стенами. Долго пришлось бы тараном долбить... – Он встал за спиной, и пальцы Лега еще сильнее стиснули перо. – Так вот он и научил нас грамоте. Только Аго это не пригодилось.

«Слава Отцу через Сына во Святом Духе», – Лег перекрестился, и кончик пера нырнул в блюдце, чтобы затем коснуться пергамента. – Можно узнать, как вы стали священником?

– Ты знаешь как. Всем известно... Возможно, ты хотел спросить почему?

– Рогарит! – прогремел голос Агилульфа в тишине базилики, отчего перо в руке Лега взбрыкнуло дикой лошадей, чьи копыта истоптали кривой чертой написанную букву.

– Я здесь, – вышел Рогарит навстречу брату. – Здравствуй.

– Здравствуй, – ответил Агилульф, чтобы затем вперить взгляд в Лега, который вскочил со скрипучей лавки.

– Иди, Лег, – сказал Рогарит, – разомнись с копьём.

– Как успехи у парня? – спросил Агилульф, когда Лег вышел, – Не знал, что ты его учишь.

– У него большое желание, так что справится. Давай пройдемся.

Они пошли к выходу бок о бок, как сражались пятнадцать лет назад. Спускаясь по ступеням, Рогарит спросил:

– Уже видел голубя Ольфа?

– Я видел достаточно таких птиц, чтобы представить, как будет выглядеть эта, – Агилульф зажмурился, когда его глаза встретились с ярким солнцем на безоблачном небе.

Мимо построек откуда неслошь мычание, хрюканье и кудахтанье, мощёная дорожка, обсаженная кустами мирта, оливами и кипарисами, вывела их к воротам в западной стене.

– Что случилось? Парень так явно прятал глаза.

– Нелепая случайность, – начал Агилульф. – Он хотел быть с Вотаном, и я проткнул его копьём... – и рассказал о гибели Ольфа. – ...Так что для всех он пал в битве, поэтому не суди парня, – закончил он, когда они оставили позади узкие западные ворота.

– Я помолюсь за него.

Рогарит молчал пока они поднимались по тропе, что ползла на зелёный пригорок с цветочным разноцветием и ароматом. Когда они оказались наверху, то Рогарит показал на дубовую рощу:

– Там было бы на одного меньше, если бы ты не спешил. Долготерпеливый лучше храброго.

– Терпение? Тебе его явно не хватило, когда осмелился нарушить запрет короля. Скажи – зачем?

– Я не мог отказать родителям, если они решили крестить сына по-другому – католическому – обряду...

Агилульф оглядел место тага¹⁵ – поляну с двумя десятками валунов.

– Не хочу вникать, – прервал Агилульф и уселся на один из камней. – Через две-три ночи, когда королевский гастальд устанет от охоты, я буду сидеть на этой поляне вместо нашего отца. И, надеюсь, не услышу от тебя никаких речей, противных вождям... Тогда они не потребуют наказания большего, чем фельгельд.

– Не для того я потратил столько зим на изучение слова Божьего, чтобы держать его в себе, – Рогарит отошёл на пять шагов назад, чтобы сесть на камень напротив брата, смиренно сложив руки на коленях. – Я стал таскать с собой того священника из Перузии, потому что он победил меня... Победил словом. Я не рассказывал раньше... В том круглом храме готов был снести его голову, но услышал, как он молит о спасении моей души. Понимаешь? Моей, не своей... Теперь я верю: меч может лишит головы, но слово сделает голову верной, заставит встать на твою сторону. А если ты думаешь, я страшусь смерти...

– Есть кое-что и похуже, – остановил Агилульф его пылкую речь. – Хочешь стать изгнанником и бродить с клеймом на лбу, пока не прирежет первый встречный? Ты хоть и уверен в силе слова, но всё-таки иногда своим мечом кромсаешь окрестные дубы.

На лице Рогарита проступила суровая жёсткость. Он встал и перекрестился:

– Что ж, на всё воля Божья, – повернулся и ступил на тропу в крепость.

– Вот как тебя убедить? – Агилульф поднялся и крикнул вслед: – Ради нашего отца, ведь если бы не он, тебе никогда не стать епископом.

Брат не замедлил шага, даже не обернулся: то ли не услышал, то ли уже всё для себя решил. Агилульф долго смотрел вслед, а затем отправился в Голубиную рощу. Там – среди шумных дубов, холмиков могил и стаи деревянных птиц, чьи столбики и фигурки потемнели от времени, – у свежеструганного голубя застыла согнутая скорбью женская фигура. Лишь её жакет и складчатую коричневую юбку шевелил ветерок, и она, казалось, дрожала, как и листва на деревьях.

– Здравствуй, Гиза, – встал Агилульф рядом с женщиной со спутанными посеревшими волосами, как будто само горе прошло по ним мёртвым гребнем тоски и печали, надломив каждую прядь.

– Значит, он остался где-то там, куда рвётся полететь эта птица, – сказала Гиза, не взглянув в его сторону.

¹⁵ Собрание, суд

– Да, – кивнул Агилульф, – он сейчас пьёт медовое пиво с Вотаном и другими храбрыми воинами.

– Он любил с горчинкой. Ему такого нальют? – повернула она лицо к Агилульфу, отчего он зачесал бритый затылок. – Мне запомнился тот день, когда ты родился... Накануне ночью звёзды крутились вокруг луны, – отвела Гиза взгляд, – а вечером волки, что последние два месяца бродили в округе, казалось, ползут внутрь... Они так выли. Сильней кричала только твоя мать, – покачала головой, словно до сих пор слышала тот вой и те крики.

Пока она говорила, Агилульф теребил бороду, скрещивал руки на груди, засовывал ладони за пояс, а его стопы мяли траву под ним. Если бы Гиза зарыдала, если бы хоть одна слеза вытекла из её глаз, то ушёл бы немедля, но голос её звучал тихо и буднично, а потому как зачарованный смотрел на её морщинистые пальцы, что касались соснового голубя. Она словно ждала, что птица обернётся Ольфом.

– ...Вечером он пришёл ко мне, сел рядом, взял за руку и не отпускал. И ночь была тихая-тихая: волки ушли, а он остался со мной... и долго был рядом... до сего времени. Знаю, его смерть необходима, но можно ли было избежать хоть одной из этих? – она обвела рукой около сотни деревянных птиц, что взлетали во всех направлениях среди угрюмого полумрака под вековыми дубами.

На третий день с рассветом начался таг.

Солнце приближалось к зениту. Дозорный раз за разом поглядывал на западную стену. Предполуденные лучи разогревали ему плечи и спину, так же, как и что происходит на таге – его любопытство.

По дороге от тёмной стены лесов, за которыми высились горы с белыми вершинами, приближались два всадника.

Когда Ирма с Бёрном въехали в крепость, дозорный уговорил Ирма подняться, чтобы поболтать о походе. И вот, почёсывая бороду, растрёпанную ветром, он дивился причудам Лесной Девы.

Ирма рассказал ему, как в полумиле от стоянки гепидов нашли скот; как к концу дня отряд встретил Хагана и Бёрна, которые задержали ранее пленённых крестьян: они возвращались назад в деревню. Крестьяне поведали о том, что Лесная Дева с братьями увели их из лагеря, опоив дурманом гепидов.

...Дозорный обернулся на скрип пустой повозки, покидавшей крепость; у конюшни фыркали лошади. Марпий снимал с них сбрую, и они прядали ушами и мотали хвостами. Ирма уже прошёл мимо пустой площади. Все отправились на таг. В остальном крепость жила как в обычные дни: въезжали-выезжали повозки, дымили кухня и кузница, сновали туда-сюда слуги.

Западные ворота остались у Ирма за спиной, и он ступил к подножию пригорка с поляной для тага. Вокруг неё уже расселись зеваки. Справа от тропы к валунам, на которых сидели вожди фаров, на траве, устроился Лег и в задумчивости ерошил волосы.

На пути к нему Ирма обошёл двух альдиев – парня и молодую женщину. За ними присматривал лангобард с копьём. «Прелюбодейка», – вспомнил Ирма, что говорили ему о таге дозорные, но затем его мысли вернулись к прошедшим дням, когда вместе с Бёрном вёз Пию и её брата обратно в деревню.

Тогда Пиа сидела на лошади, позади него. Иногда она обнимала его торс, прижималась уже недетской грудью. И щекой. Ирма сдерживал скакуна, потому как его лёгкие жадными глотками вбирали благоухание ячменя и цветочных полян, теснили сердце к рёбрам, и оно скакало резвым жеребёнком.

– Пусти коня быстрее, – говорил ему Бёрн резким голосом, – тут пути на полдня, а время уже к ночи.

– Никуда не сбежит твоя невеста, – отбрыкивался Ирма. – Успеем.

Но Бёрн так и бурчал о её прелестях всю дорогу до деревни Пии, а затем и до Турина.

...Ирм не заметил, как преодолел около пятидесяти шагов, что отделяли его от Лега; как не слышал, что говорили вожди, выходя в центр круга, а потому вопрос Лега: «Как Пиа?» – сбил с толку так, что пока не сел на траву – молчал.

– Где Бёрн? – спросил Лег, пристально вглядываясь в лицо Ирма.

– Она на месте. К невесте пошёл, – повернулся Ирм к Легу.

Губы Лега дёрнула усмешка:

– Твой отец не разрешит тебе на римлянке жениться, а в наложницы не возьмешь. Сам знаешь, рабов не берём... Только если на войне, – сорвал он стебелёк, стал мять в руках и опять взглянул на Ирма.

– ...мост в том месте позволит нашим альдиям и римлянам быстрее возить продукты в Турин и Папию, – громогласный голос убеждал собравшихся вождей.

В говорившем Ирм узнал Граусо. Тот поднялся с валуна, левая ладонь обхватила кожаный пояс с золотыми украшениями, а правая рука рубила тёплый воздух. Пот пропитал расшитую льняную тунику без рукавов и вылепил причудливые складки на спине.

– С чего взял, что хочу жениться? – сорвал Ирм сразу несколько стеблей, но тут же разорвал на мелкие куски и выкинул.

– Пропади моя борода, да у тебя глаза пьяные, словно полынного вина перебрал. Лучше среди наших найди.

– Мои альдии подъезжают на повозках с другой стороны и реку не переходят, – парировал другой вождь, с не менее вычурным поясом и потными складками на груди.

– Разберусь без тебя, – и ещё несколько стеблей разлетелись на мелкие кусочки. – Что тут? Опять мост? О нём спорили, ещё когда только сошёл снег.

Агилульф встал с валуна, его пальцы стиснули посеребрённый пояс:

– Решим так: кто переходит реку, пусть пришлют по плотнику, а кто нет – по челядинцу. Вожди одобрительно загудели, закивали.

«С мостом решили. Хорошо. Будет ещё ближе до её деревни», – скакнуло сердце Ирма.

Агилульф говорил с Мунихом, но слова не долетали до Ирма. Он лишь видел, как Агилульф разводил руки в стороны – так и обнял бы гастальда, будь тот не так широк в талии. Щёки Муниха краснели и краснели, и стали как наливное яблоко на дереве. Наконец он кивнул и поднялся:

– Таг должен определить наказание для Рогарита, епископа Турина. Выслушаем его брата.

Вожди запустили пальцы в бороды, переглядываясь. Раздались голоса:

– Таг должен выслушать виновного.

– Где он? Пусть явится.

Муних сел на место, кивком головы и ленивым взмахом рукой пригласил Агилульфа.

Пять шагов приблизили Агилульфа к середине круга.

– Прошу простить моего брата, он раскаялся в своём проступке. Он так мучился от осознания вины, что перелечил душу вином, а потому не может мыслить разумно. Я запер его в темнице. Но прежде он сказал, что согласен уплатить фельгельд в королевскую казну: двести золотых монет.

– Надо, чтобы он сам признал на таге вину, – прозвучал хриплый голос Граусо.

– Если кто желает, может поговорить с ним в темнице, – отрезал Агилульф, когда вернулся на место.

– Давай последних, – крикнул Муних в сторону тропы.

Подталкиваемые тупым концом копья, парень с молодой женщиной в тёмно-серых коротких туниках без поясов покорно проследовали в центр круга, где они встали на колени лицом к гастальду.

– Говори, – ткнул Муних в парня.

– Я... я застал жену с соседом, – залепетал молодой альдий, – они... они... и я убил его, а её... прошу осудить по cadarfada¹⁶.

– Всё верно говорит твой муж? – упёр Муних кулаки в бёдра.

Молодая женщина, казалось, уже умерла – так она скрючилась в спине, а руки свисали вялой листвой.

– Да, – выдавила она с кивком.

– За убийство заплатишь казне десять золотых, а ещё десять родичам убитого. Её утопят в тихой запруде, не позднее, чем завтра, – озвучил Муних приговор.

Над поляной воцарилось безмолвное единодушие.

Пока Муних вершил суд над альдиями, Агилульф зевал. После разговора с Гизой уже вторую ночь ему снилось, как Ольф клял дрянное пиво. Он просыпался в сумраке спальни, куда прохладный ветерок заносил сквозь оконный проём лунные блики и бросал их на стены. Ладонь нащупывала упругости служанки. Она с проворством ласки выскакивала из сна, чтобы похоронить его дурное видение в почтительных ласках.

...«Cadarfada требует смерти – как можно избежать её на войне, если даже таг неумолим? Но если...» – поднялся Агилульф и приблизился к осуждённым:

– Почему сам не убил жену? Ещё десять золотых фельгельда за второго убитого, и всё. Не пришлось бы её топить.

Парень поднял голову, глаза расширились, ладони стискивали друг друга до белых суставов:

– Я... я не смог, – пал он ниц, и рыдание разлетелось по поляне.

– Не смог или слишком дорого для тебя?

Агилульф остановился напротив молодой женщины:

– Сколько живёте? Дети?

– Две зимы. Нет, – помотала она головой с чёрными прядями.

– Вижу, ты и семя закинуть жене не можешь, – встал Агилульф за их спинами. – Пусть он сам убьёт её...

Да, верно! Так и надо, – заговорили вожди, – ... когда выплатит пятьдесят золотых в королевскую казну и столько же герцогу.

Тучный Граусо вскочил с места:

– За прелюбодеяние полагается немедленная смерть. Так требует cadarfada.

– Её смерть неизбежна, но не раньше, чем муж заплатит за неё, – ответил Агилульф.

– Сто золотых за всю жизнь не заработает, – выкрикнул один из вождей.

– А потому она родит не меньше двух мальцов, чтобы было кому отработать фельгельд после казни, – Агилульф плюхнулся на валун. Туника насквозь пропиталась горячим потом.

И как ни ругались и ни спорили вожди, он не отступил от своих доводов, чтобы сохранить жизнь женщине. Перебранка вымотала не хуже жестокой битвы, а потому упрёк Муниха: «Подивил, но раз ты убедил таг, пусть король решит, что с тобой делать» – сразу исчез из дум, как капля влаги пропадает на сухой земле в знойный полдень.

Этой ночью Ольф хлебал пиво с безжалостным наслаждением на лице.

Через десять дней гонец привёз три послания: два от отца, а ещё одно от короля.

Один свиток отец предназначил молодой жене и сыну Олларду, во втором писал, чтобы Агилульф распорядился о назначениях, пока кто-то из них двоих не вернётся. Он не упоминал о прошедшем таге, а значит, послание Муниха ещё не достигло Папии, – такой вывод подвиг Агилульфа призвать столесаза, чтобы тот описал всё, что случилось со дня его прибытия в Турин, и отправил отцу с гонцом.

¹⁶ Обычай

Третье послание с королевской печатью приказывало ему с братом отправиться в Триент¹⁷ под начало Муниха, с которым следовать в Регенсбург.

Перед отбытием Агилульф проследил, чтобы слуги засунули в походные мешки плащи, подбитые мехом, длинные кожаные и шерстяные штаны, кафтаны из звериных шкур и меховые сапоги. Затем свистнул Сундрариту, который с унылым лицом следил за всеми приготовлениями. И они, млея от тёплого ветерка, под ярким солнцем верхом отправились на две мили по правому берегу реки По.

– Ночью прошёл дождь, – спрыгнул Сундрарит с коня у воды; серая туника, пояс с мечом упали на траву. – Лето на исходе, – поморщился, потрогав правой рукой левый бок.

– Лето на исходе, – повторил Агилульф слова и действия друга. – Только нам через перевал идти, а ты здесь ещё позагораешь. Ну что, кто вперёд? – кивнул он в сторону противоположного берега, где между ивами, кипарисами и дубами проглядывали виноградники с копошащимися под сочной небесной синевой римлянами-крестьянами.

– Ага, – плюхнулся Сундрарит в иссиня-зелёный поток и поднял из ближних кустов мелких белых цапель с длинными перьями на затылке, бакланов с чёрно-стальным оперением.

– Зря ты не берёшь меня, – отжимал Сундрарит бороду, когда они набултыхались как мальчишки и загорали гольшом на берегу под кваканье и всплески рыбы. – Я бы показал им, как мы пиво пьём... Крепко приложил, – опять поморщился он, тронув левый бок.

– Не жалься, кроме тебя некого оставить, – сказал Агилульф без малейшего сочувствия в голосе, опираясь на руки за спиной и подставляя лицо под лучи.

– Вот думаю: а если бы кто-нибудь всё-таки спустился в темницу к Рогариту, а в нём ни капли вина и кроет всех проповедью? – улёгся Сундрарит на спину.

– Тогда бы ты заранее зашёл и оглушил его до беспомыслия, – рассмеялся Агилульф.

– Ещё чего! – не оценил Сундрарит шутку. – Ешь меня тролли, мы его сонного вшестером таскали, так он мне рёбра отшиб. Бёрну по челюсти засадил так, что до сих пор едва жуёт.

Спина Агилульфа коснулась мягкой травы, ладони легли под затылок, а губы расплзлись в широкой улыбке, обнажив зубы:

– Знаю, знаю! Теперь просьба легче – развлечь моего мелкого занудного братца.

¹⁷ Современный Тренто

V

*Северная Италия
Предгорья Грайских Альп
Сентябрь, 588 г. н. э.*

День угасал, как и гасла надежда Фроила увидеть разведчиков, отправленных к Турину. – Сколько ещё ждать? – пробурчал конопатый сакс под скрип буковых и сосновых стволов. – Уже семь ночей торчим здесь впустую, – срезал он ножом кусок дикого поросёнка, что жарился на вертеле, источая сок и дымный аромат.

Уходящее солнце искрило на влажных после дождя мохнатых ветвях.

Очередные капли сорвались с веток, чтобы смочить лохматые головы саксов, франков, и даже двоих жестоколиких тейфалов. Всех тех, кого Фроил прельстил серебром на поход в земли лангобардов.

– Жуй мясо и дрыхни. Чего тебе ещё? – ответил Фроил, подкинув ветку, чтобы рассечь надвое ударом короткого меча. «Славная сталь. Есть монеты – есть добрые мечи», – подумал он, когда два обрубка упали ему под ноги на влажную каменистую почву с редкой травой, и продолжил:

– Хочешь получить серебра – придётся выждать... Иначе перестанешь тратить воздух, как мои соплеменники пару лун назад.

– Так-то оно так. Ты ведёшь, мы слушаем. Да вот скоро зерно кончится. Чем коней кормить будем? – сказал сакс под цыканье дроздов «так-так», под шум ветра в верхушках и под фырканье и ржание лошадей, стоящих привязанными поодаль от костра. – Не лучше ли сразу подобраться ближе, а там и...

– А там и – что? – прервал его Фроил, усевшись на бревно среди головорезов своей шайки, напротив сакса, одетого, как впрочем, и все, в серую шерстяную рубаху и штаны, кожаный пояс и сандалии. – Крепость атакуем?.. Я, конечно, любитель рискованных набегов, но лучше несколько раз перейти горы... Да его там может и не быть, – отрезал он ногу поросёнка с золотисто-коричневой корочкой, затем его меч на треть вошёл в землю.

Вдалеке с криком «кьяа-кьяа» взлетели галки, а когда в сумраке показались очертания трёх всадников, все поднялись с ладонями на топорах и копьях, чтобы встретить двух галлов-разведчиков.

– Прохладно тут, – сказал галл с двумя рыжими косичками на подбородке, пустив облачко пара изо рта, когда они спрыгнули с коней и подошли ближе, оставив за спиной третьего всадника.

– Погрелись на солнышке, хватит, – хмыкнул Фроил, разглядывая их бурые короткие туники, – здесь не тёплая долина, чтобы ходить как крестьяне. Кого притащили? – устремил он взгляд на всадника в кожаных штанах и жилете из шкур, чьи чёрные волосы показались ему знакомыми.

– Пока таскали задницы вокруг крепости, они так горели от опаски, что нас раскроют, что теперь рады и охладиться, – ослабился галл с впалыми щеками, усаживаясь у костра.

Едва он присел, как Фроил, выслушав косичкобородого галла про найденного проводника и разглядев девичье лицо с кривым носом, так рявкнул «Схватить. Ищите кинжал», что галл подскочил вверх, словно острые змеиные зубы прокусили ему мягкое место.

Две пары крепких рук схватили девушку за плечи, конопатый сакс оттянул ей голову назад, приставив нож к горлу, а косичкобородый галл подскочил, чтобы облапить и вытащить кинжал с пояса.

Встреча так поразила Фроила, что, забыв про ножку в левой руке, он стал тыкать ею в девуцу со словами:

– Надо же, попалась, как там тебя – Азиль, кажется, – вглядывался Фроил в лицо, на котором проступали удивление и испуг. – Дружков её не встретили, что ли? – обратился он к галлу, который рассматривал кинжал с навершием на рукоятке в виде орлиной головы. – Один безухий, второй – со шрамом на лице.

– Как повариха проболталась, что сынок герцога отправляется в Триент, а оттуда в Регенсбург, – затараторил впалощёкий галл вместо товарища, встав рядом с ним, – мы сразу сюда, а по пути думаем: такая удача – их всего шестеро, а нас втрое больше. Как бы догнать? Ведь пока сюда, они далеко уйдут. Без проводника никак не успеть. Ну и наткнулись на неё. Говорит, за десяток монет проведёт, куда надо.

Фроил крутил перед лицом обглоданную поросячью ножку, но не выкинул – аппетит взял вверх.

– Вот смрадный хряк, – выругался он и словно позабыл про девуцу. – Шестеро против двадцати, – оглядел шайку, с опаской вззирающую на главаря, вооружённого мечом и объеденной костью. – Надо рвать в погоню. Что встали?

– Перехватить у перевала, – прохрипела Азиль, чем прервала общий порыв ринуться к лошадям.

– Ну-ка, уберите от неё руки, – шагнул Фроил к девуце, – Что у перевала?

– Если они идут к баварам, кинжал им в бок, то перехватим у перевала, – пригладила Азиль волосы, что растрепал конопатый сакс. – Они поскачут по дороге, а мы – лесами, – встряхнула руками, словно сбрасывала ощущения от ладоней, ранее сжимавших ей плечи. – Как раз нагоним, пока они будут в Триенте.

– Гладко поёшь. Только почему «мы»? – откусил Фроил от ножки, потому как решил с ней покончить. – В прошлую нашу встречу меня из-за тебя чуть не подвесили на дуб с копьём в бок, а потому я бы так с тобой сделал. А вы в путь. В путь! – покрутил он над своей головой мечом, подзадоривая шайку.

– Без меня заплутаете, – наблюдала Азиль, как нехитрый скарб вытаскивали из десятка шалашей и складывали в походные мешки, – опоздаешь и не получишь монет за длиннородого.

– Пусть так, – согласился Фроил, обглоданная кость улетела в кусты папоротника, – но не жди ласковости.

Копыта поглощали лесные тропы, что вились через лощины и взгорки, над которыми сменялись солнце и луна, облака и тучи, чтобы приглядывать за короткими привалами двух десятков всадников.

– Сколько ещё? – взглянул Фроил на Азиль. Она скакала на своей лошади рядом с ним, а он раз за разом пробегал взглядом по её бёдрам, что теснили кожаные штаны, по тонкой гибкой шее, охваченной петлей. Иногда Фроил тянул верёвку, и скрученные конопляные волокна впивались в кожу Азиль: она выгибала спину, выставляя напоказ ладное девичье сложение.

– Ещё пять ночей. Не терпится зарубить того русого лангобарда? – придержала Азиль лошадь, чтобы копыта не зацепили острые камни среди сосновых стволов, плотными рядами обступавших узкую тропу. – А он ведь тебя в живых оставил.

– Значит, поблизости была, когда нас кромсали, – поднял Фроил глаза к небу, затянутому чёрными тучами. – Неужто опять польёт? Всё одно, кому из длиннородых мстить, а за него получу золото. А тебя, если доведёшь нас, то, может, оставлю ещё тратить солнечный свет... Хотя надо будет угодить нам, – обнажил он зубы. – Кто нос свернул? Полюбовнику перечила?

– Мне тогда десять было. В мою деревню из-за гор пришли франки и убили родителей. Убегала и получила кулаком... Пришлось взять кинжал, и вот потому не расстаюсь с ним, – зыркнула Азиль в сторону косичкобородого галла: – Не расставалась.

– Любопытно, – почесал Фроил свою исключенную шевелюру. – «От кого-то я слышал такое».

*Баварское герцогство
Предгорья Доломитовых Альп*

– Войны нет, так что ничего не случится, – говорил Людер, отхлёбывая из чаши горячее красное вино с полынной настойкой и мёдом. – Эх, хорошо согревает... Мы идём по торговым делам в Венецию, так нам поручил король Хильдеберт... Они тоже так считают, – кивнул он в сторону десятка баваров, сидевших за столом с деревянными пивными кружками и блюдом с жареным фазаном.

Они с Брюном прибыли сюда, к предгорьям Альп, в сопровождении отряда баваров, ведомых Гундоальдом, спустя десять дней, как покинули Регенсбург.

– Всё равно. Как-то плохо встретить длиннородых, – сказал Брюн, глодая птичью ножку. – Не зря они прислали руку.

– На рассвете уходим. Проводник уже здесь, – ответил Людер и махнул хозяйке постоянного двора, что наполняла пивные кружки, а когда она подошла, попросил ещё горячего полынного вина и положил монету, чтобы кинула костей Крувсу.

В тот вечер после прогулки с Теоделиндой баварский герцог устроил пышный пир в честь отбытия гостей, а прежде витиеватыми фразами сообщил, что, к великому сожалению, его дочь не может принять предложение короля Хильдеберта вступить в брак с лейдом Людером. Просил передать, что бавары клянутся в дружбе и готовы обтолковать любой союз.

– Ничего, Людер, завалишь другую принцессу, – хихикнул Брюн после речи герцога.

Людер пытался встретиться взглядом с Теоделиндой, которая занимала привычное место во главе стола с братьями и отцом, но она не уводила глаз дальше, чем блюда перед ней. Он гадал, в чём причина отказа, ведь не мог поверить, что таково было её решение, потому как в те моменты на обратном пути в крепость, когда лицо её обращалось к нему, угадывал выражение, подобное тому, что появлялось у Фели, когда она просила Брюна помочь с бочкой.

– Тут есть подвох. Точно есть, – зашептал Людер другу на ухо, чтобы не услышали лейды Хильдеберта, вкушавшие блюда и напитки за столом рядом с ними. – Не случайно король именно меня отправил сюда. Похоже, он и рассчитывал на отказ. Что скажешь?

– На отказ?.. Не забивай башку, поешь: жаркое – объедение. Что нас ждёт за горами, одни боги знают, – поднял Брюн кружку пива: – Давай!

... Два дня назад путь привёл их к двухэтажному постоялому двору с конюшней на тридцать лошадей, кузницей, стойлом и птичником. Лесная чаща вокруг прятала глубокие прозрачные озёра и речки, и вся эта местность позволяла двум хозяйским сыновьям добывать дичь и рыбу, которыми за монеты питались гости.

Отсюда тропа уводила путников в горы, на перевал, который приводил их в Италию и обратно. Эта же тропа и вела сюда лангобардских послгов, ожидаемых баварами во главе с младшим братом Теоделинды, и чем дольше Брюн с Людером задерживались, тем с большей вероятностью их ждала встреча с ними.

Снаружи, сквозь оконца под оштукатуренным потолком, из вечерней серости летели цокот копыт, конское ржание, бряцанье металла, окрики и приказы всадников. Зашёлся лаем привязанный к ограде Крувс.

«Вот и дождались», – погладил Людер рукоять секиры, приставленной к ножке стола.

Дверь распахнулась, и вслед за холодным воздухом внутрь прямоугольного помещения – двадцать на тридцать шагов – вошли трое длиннородых воинов в плащах, подбитых мехом, и в шерстяных штанах и рубахах под ними. От прохладных воздушных струй затрепетали огни

свечей на стенах, а очаг с вертелом напротив входа, способный вместить тушу телёнка, брызнул искрами.

– Приветствуем в нашем герцогстве, – подошёл от стола в правом дальнем углу, где ужинал со своими воинами, безбородый Гундоальд. – Перевал прошли удачно?

– Перевал удачно, – ответил краснощёкий лангобард в кожаном поясе с драгоценными камнями, – а вот перед ним нарвались на разбойников. Я – гастальд Муних. Король Аутари поручил мне представлять его посольство, – уставил он глаза на Гундоальда и, как понял Людер по ответу бавара, взглядом вопрошал бавара назвать себя.

– Гундоальд, сын герцога Гарибальда. Есть потери?

– Один. Мы сядем здесь, – ткнул Муних пальцем в стол на десятирях рядом с очагом в центре зала, – Они разбежались, когда потеряли пятерых. Кроме двоих саксов и одного франка туда затесалась парочка диких тейфалов, – хмыкнул он, снимая плащ на соболином меху.

«Фроил! Оплошал любитель пошуза», – переглянулся Людер с Брюном.

– Ирм, ведите сюда Лега, – обратился русоволосый лангобард с бородой до середины груди к третьему воину – плотному коротышу с волосами цвета соломы.

– Нечего его сюда тащить, Агилульф. Здесь на всех места нет, пусть с остальными в шатрах ночует, – потребовал Муних.

– Он ранен, ему нужно тепло, – ответил Агилульф. Его указательный палец ткнул в пожелтевший от времени, некогда белый потолок с паутинами мелких трещин, – Нам шестерым хватит и одной комнаты, так что половина наших людей разместится в остальных, и даже его... – не закончил он фразу, как будто вспомнил, что говорить о чём-то здесь лишнее. – Вторую половину можно уложить прямо здесь, сдвинув столы.

– Мы убедили остальных постояльцев найти другой ночлег, поэтому места должно хватить всем, – добавил Гундоальд, оперев руки в бока.

Людер едва сдержал себя, чтобы не рассмеяться от того, как, с безволосым лицом и щуплыми плечами, Гундоальд пытался выглядеть внушительным и солидным. Ему не помогли ни вышитая рубаха из светлого льна и кожаный жилет, отороченный кунным мехом, ни меч на поясе с рукоятью, обтянутой черным бархатом и оплетённой серебряной нитью.

– Я с моими людьми решу, кому где быть. Их тоже зови, – произнёс Муних недовольным тоном, и лавка скрипнула под ним, когда уселся напротив двери, спиной к очагу. – А раненого посади за другой стол. Здесь сядут мои люди.

Ирм вышел. Агилульф обвёл взглядом зал, его серые глаза упёрлись в Людера, который не отвёл взгляда. Гундоальд заметил безмолвную стычку и заговорил:

– Там наши гости, – показал на Людера и Брюна, – а потому прошу привязать рукояти мечей к поясам, чтобы в случае ссоры не дошло до резни. – Затем подошёл к их столу: – Сделайте так же... и с топором.

Повисла тишина. Людер слышал, как трещат дрова в очаге, как за стенами снимают сбрую и заводят лошадей под крышу, гавкает Кривс, и даже учуял гарь сальных свечей, проникшую в сладко-пряные запахи из кухни, куда, стуча деревянными подошвами, шмыгнули хозяйин с хозяйкой. Кожа его ладони ощущала шершавость рукояти секиры, а взгляд не отпускал ладонь Агилульфа, лежащую на рукояти меча.

– Негоже начинать встречу с раздора, – Гундоальд махнул баварам, и те встали.

Когда внутрь вошёл человек, похожий лицом и движениями на Агилульфа, а за ним ещё с десяток бородатых воинов, Людер решил, что обстоятельства в любом случае складываются не в их пользу, а потому подчинился, и через некоторое время он оказался за одним столом с Агилульфом, его братом и Легом, раненным в бедро парнем.

– Ничего, парень, тебе не ногой писать, – потрепал Рогарит левой рукой по плечу Лега, бледное лицо которого не вспыхивало даже от полынного вина с закусками, что щедро оплатил

Гундоальд в знак гостеприимства и которые задержали за столом Людера с Брюном, потому как покинуть стол означало нанести обиду.

– За первый шрам, – поднял Агилульф чашу с вином. – Если б ты не выскочил наперерез, у меня топор торчал бы между плеч.

– Если идёте за перевал, опасайтесь разбойников, – продолжил Рогарит, обращаясь к Людеру с Брюном, которые также подняли чаши. – Куда путь держите?

– По торговым делам, в Венецию, – ответил Людер, изучая знатных лангобардов за столом Муниха. Его интерес привлёк крепкий воин в простых одеждах – без соболиного плаща и пояса с драгоценностями – с заметным шрамом на высоком лбу; он редко говорил, но, когда вступал в беседу, сидящие рядом замолкали.

– Нам поручено сговориться с купцами о ценах на соль для короля Хильдеберта, – добавил Брюн, на что получил суровый взгляд от Людера.

– Насколько мне известно, бургунды под властью короля Гунтрамна, – хмуро произнёс Агилульф, изредка, но раз за разом задерживая взор на шее Людера.

– Венеты очень хитры, – положил Рогарит правую ладонь на плечо брата, похлопал. – Они строят дома на сваях. Мы до них пока не добрались.

– В летние луны я разгромил шайку гепидов около Турина, – отрывал Агилульф зубами мясо с крыла куропатки. Людер чувствовал, как сердце мутузит рёбра от его пристального взгляда, и жалел, что согласился на «ремешок добрых намерений». – Одного оставил в живых. И он упоминал франка с рунической вязью на шее – то ли Людвальда, то ли Люгара, – продолжил Агилульф.

– Моё имя – Людер, и я готов перемыть кости любой шайке. И не только на словах.

Рогарит сжал плечо брата:

– Если он упоминал франка, а перед нами бургунды, то мало ли такой вязи во Франкии, а? – и, не дождавшись ответа Агилульфа, спросил Людера: – Что, кстати, она означает?

– Одо и Людер: «Вместе пока дышим». Мы с братом сделали её, когда остались одни.

– У эдельвейса такая же печальная история? – увёл Рогарит беседу в сторону.

Жилистая рука Брюна прошлась по лысине, затем почесала бороду под красными от жаркого вина щеками.

– Были времена, когда очень нуждался в удаче, а живой цветок сохнет и рассыпается. Вот и... теперь меня полюбила большая удача, – поднял он чашу: – За неё!

Выпили все, кроме Лега, который уткнул голову в руки среди чаш и блюд, а его сонное сопение вносило свою малую толику в общий гул в зале.

– Меня как епископа Турина интересует, как вы славите... – поднял Рогарит глаза к потолку, а затем закусил варёной репой с оливковым маслом. – Слышал, епископы Хильдеберта, как и мы, – да, Аго? – держатся учения Ария.

Агилульф скинул его руку с плеча.

– Не лезь с этой чушью. С баварскими епископами поспоришь. Тебя, надо думать, для этого и взяли. Теоделинда, наша будущая королева, она же католичка¹⁸, а наш король – нет. – Агилульф обернулся назад, чтобы кивнуть в сторону стола, где Муних шептался с высококобым воином со шрамом, едва прикрытым тёмно-русыми волосами. – Я тебя от позора спас, а Аутари так пожурил, благодаря Муниху, что теперь я должен в казну сто золотых. – Он встал, накинув плащ на волчьем меху, подхватил Лега под одну руку. – Помогай. Хватит узоры словами завивать.

– Очень благодарен тебе, брат, хоть и просидел день и ночь в сырой темнице, – Рогарит встал, чтобы поднять Лега, спросонья вскинувшего голову. – Только фельгельд платишь не за меня, а за то, что прелюбодейку не дал умертвить... И уверен: слова, хоть ты болтовни

¹⁸ Ортодоксальной веры в отличие от лангобардов-ариан

не терпишь, дадут тебе больше побед, чем сотни мечей. Правда, не сразу, – последнее, что осталось в зале, когда они вышли.

«Значит, ты, Гарибальд, решил примкнуть к длиннобородым», – провожал Людер взглядом братьев, между которыми хромал Лег. – «А может, и дочка так захотела, ведь не зря шепталась со своим щуплым братцем на обратном пути», – сжал Людер чашу и стиснул зубы, но затем всё-таки разомкнул их, чтобы смешать горечь полыни с горечью в душе.

Больше Брюн не дал ему пить, потому как шепнул, что пора покинуть покамест ещё радушное место, не дожидаясь рассвета, для чего они, заявив шумному залу о намерении поспать, разыскали проводника в одном из шатров, которые поставили хозяева двора для нескольких постояльцев, чтобы освободить комнаты для важного посольства. Посулив размякшему ото сна юркому мужичку с десяток серебряных монет сверх оговоренного, после недолгих сборов, дождавшись, когда всё внутри и снаружи погрузится в тишину и покой, вышли в сторону перевала.

Северная Италия

Предгорья Доломитовых Альп

Три дня их обступали голые холодные скалы. На привалах они прятались от морозного ветра в горные впадины, наблюдая, как Крувс шныряет по каменистой долине, где только мох и трава задерживали снежную порошу, образуя мудрёные рисунки. Одинокие пастушьи хижинки у тропы давали ночлег.

К середине четвертого дня вышли к опушке, откуда сосново-буковые и дубовые леса начинали спуск к плодородной равнине по берегам реки По.

Между стройными стволами бежал вниз и звонко бурлил прозрачный ручей. Они слезли с коней, чтобы напиться холодной воды с переливами радужных красок от ярких солнечных лучей.

Проводник первым утолил жажду, оставил коня, и ноги унесли его в чашу, откуда он не появлялся, несмотря на долгие крики Людера и Брюна и грозный лай Крувса. Зато вместо него на зов выступила из-за деревьев четвёрка вооружённых людей, следом ещё двое, которые толкали излишне юркому проводника копьями в спину. Людер вглядывался им в лица, а пальцы поигрывали на рукояти секиры.

– Где Фроил? – гаркнул Людер что есть мочи. В надежде на хороший слух у гепида, потому как среди этих шестерых его не было. – Крувс, сидеть! Он не двинется, если поступите так же, – предупредил он.

– Идём с нами, – остановился косичкобородый галл, – он в лагере. И надо решить с этим, – показал он пальцем на проводника. – Шибко юркий, может выдать.

«И то верно, – разглядывал Людер мужичка, чьи руки, ноги и голова, казалось, жили каждый своей жизнью – так он шевелил ими, оправдывая свою юркость. – Спустить пса? Хоть налопается».

– Возьмём с собой. Путь долгий, может пригодиться, – двинулся Брюн к лесу, уздечки в его руках зазвенели в такт поступи двух лошадей: своей и проводника.

– Но платить больше оговоренного не станем, – последовал Людер за ним. – Ничего, поешь дичи, – потрепал он пса по холке.

В лагере, состоящем из шести шалашей, сложенных на опорах из толстых сучьев и покрытых дёрном, Людер насчитал четырнадцать человек и восемнадцать лошадей.

– На конину перешли, – пустил Людер пар изо рта, подмечая с двадцати шагов от костра, где стоял с Фроилом, как дымят и скворчат куски мяса на камнях. – Как услышал про тейфалов, сразу понял – твоя шайка.

– Значит, гонец успел застать с моим посланием... Эй, добавьте дров, – крикнул Фроил людям, жмущимся к огню, – и ещё натаскайте, иначе к утру посинеем... Убито шестеро, и ещё двух лошадей проткнули длиннородые.

– Они говорили про пятерых, – заметил Людер под треск веток от ударов топоров.

– Проводник у нас был, девка. Как засекли, что идут длиннородые, так связал и с ней двоих оставил. Мы же думали, против шестерых будем, а их... Вон тот, – ткнул Фроил в косичкобородого галла с бледно-фиолетовой правой стороной лица, который у костра пробовал мясо и его лицо морщилось, – получил по башке и вырубился. У второго дырка на спине от кинжала. Видать, не любит Азиль, чтобы ей волосы трепали, – усмехнулся он. – А вообще, она поведала занятный случай, – и Фроил пересказал историю девицы.

– Азиль, значит, – поскрёб Людер подбородок, подняв глаза к шелестящим верхушкам сосен, – Раз ты отказываешься идти со мной, то, может, найдешь её? – вернул он взгляд с неба на плоское лицо гепида. – Когда погиб Одо, их тоже трое было: девчонка и два мальчишки-близнеца.

– Мои руки зажили. Хочу нарубить дров на зиму одной ласковой вдове, – потёр Фроил ладони друг о друга, пустив пар в лицо Людера. – Надо вернуться за перевал, а туда идти неблизко.

Стук топоров уже прекратился, пламя потянулось языками вверх, а Брюн, бросив Кривсу сырой конины, позвал:

– Идите. Скоро захрустит, не разжуёшь, – уселся он в круг к людям, облепившим огонь, как кошка.

– Ты обещал голову Агилульфа и не сделал, – придержал Людер за плечо Фроила, который двинулся к шайке.

– Да, вышло плохо. А ведь как сошлось всё удачно: замыслили здесь встретиться, а тут и этот длиннородый. Отдал бы его голову здесь – и всё, разошлись бы. Теперь уже после зимы.

– Слушай, я иду к аварам, – не отступал Людер. – Так или иначе, вернёмся сюда, и уже с войском. Возьми двоих-троих, осядьте, осмотритесь, что здесь и как... А если ещё с девкой разберёшься, то получишь это, – сунул он под нос Фроила правую руку с золотым обручем из львиных голов.

VI

*Баварское герцогство
крепость Регенсбург,
Октябрь, 588 г. н. э.*

В её сне колокол уже молчит. Над крепостью дым и пламя.

Сзади рёв. Всадники с мерзко-зелёными лицами скачут по горной тропе. Их доспехи в крови, а бешеная скачка забрасывает длинные бороды за плечи.

Вот что видит Теоделинда, взглянув назад. И – пятками в бок коню, снова вперёд, к ущелью. За ним спасение.

Ещё чуть-чуть. Тропинка. Она вьётся, бросая под ноги камни. Сосны и буки тянут корни, ветки; цепляют. Отец, братья впереди, и вот... обрыв. Дальше темно: внизу и вверху. Нет луны, звёзд.

– Прыгаем, – кричит отец.

– Давай, – толчок в спину.

Она летит, и ей кажется – нет воздуха. Он не обдувает лицо, руки, ноги. Отец, Гримоальд, Тассилон пропали в черноте. И вдруг Теоделинда видит острозубое и злое каменное дно. Об него бьются три валуна: два – в прах, третий взлетает ястребом.

«Львёнок!» – разворачивается лицом вверх. Падает. Ещё миг... и затылок пробьют камни!

Над ней нависает Гундоальд, тянет руку к её щеке. Удар. Спина мокрая, горячая.

– Теоделинда, – рука брата сухая и по-женски лёгкая...

– Заспалась что-то, милая, – звучит мягкий голос Херти.

Теоделинда села на постели, протёрла глаза. Херти уже сдвинула с окна плотную ткань, и утренняя свежесть зашла внутрь, взбудоражила огонь свечи, что пристроился на столе в дальнем углу комнаты правее окна. Огарок источал прогорклый запах, и слабый кружок света падал на тёмно-серую доломитовую кладку.

– Доброе утро! Сон плохой, даже спина взмокла, – поёжилась она в рубаше до пят из светлого ситца. – Будто лангобарды в боевом окрасе напали на нас, а мы бежали к ущелью, – подошла к маленькому, с половину сундука, загону в углу комнаты. Он ещё пах сосной, а внутри, среди сочных листьев клевера и щавеля, шевелил ушами подросший зайчонок.

– Как ты, Львёнок? – погладила Теоделинда пальцем его бело-серую бархатистую шерстку. – Представляешь, а потом отец, Тассилон и Гримоальд упали камнями на дно, но один из них взлетел ястребом. Как растолковать такой сон, а, Херти?

– Вот увидишь сегодня своих зелено-бородатых родичей – спросишь, – пробурчала Херти, прибиравшая постель. – Садись, расчешу.

– Вот как они без меня? – уселась Теоделинда на кушетку перед зеркалом. – Надо, чтобы припасы не кончались, служанок проверять, следить, чтобы на полях урожай вовремя собрали.

– Ничего, скоро малявка у Гримоальда к мамкиной сиське принаровится, – зажгла Херти ещё три свечи на стенах и принялась за её волосы, – и тогда через две-три луны его жена и займётся. Всё равно ты за горы отправишься не раньше, чем на перевале снега сойдут. Успеешь ей всё объяснить.

В голосе служанки Теоделинда уловила грусть, что обычно навеивает лёгкая пасмурность, какой и в помине не было в утреннем небе. На нём красовалось яркое солнце, а тёплый ветерок влетал в комнату со двора вместе со скрипом повозок, звоном наковальни, голосами слуг и крестьян.

– И как раз дошью рубаху будущему мужу, – произнесла Теоделинда с воодушевлением в голосе оттого, что ещё нескоро покинет дом. – Ты как будто не рада за меня, Херти? Или считаешь, раз отец позволил мне решать, надо было выбирать, как сердце велит?

В тот день, когда зайчонок на ладони Людера вызвал у неё ощущение, как будто в низу живота уголёк полыхнул жаром, Гундоальд придержал её лошадь, чтобы сказать о решении отца. Ликование охватило Теоделинду от первых слов брата, но затем, узнав, что на самом деле думает отец и как ей следует поступить по мнению Гундоальда и Тассилона, она словно вернулась на край пропасти, которую не переступить и не попасть на любимую поляну.

Перед прощальным пиром отец поднялся на второй этаж, упредив своё появление в её спальне увесистыми шагами и шумным дыханием на лестнице. Она, как раз сменив наряд, наблюдала, как зайчонок поедает траву, запертый в углу с одной стороны сундуком, с другой – мешком с соломой и тройкой камней для его устойчивости.

– Как назовёшь? – разглядывал отец охристо-серый комок. – Видишь, ноги посветлели?.. Линяет.

– Львёнок, – ответила Теоделинда.

– Такой храбрец?

– Его спасли львы.

Отец хмыкнул.

– Ладно, я получил послание от короля лангобардов. Кто-то рассказал ему, что франки сватаются к тебе. Тот, кто очень не желает нашего союза с ними, – постучал отец кулаком по своей левой ладони,

«Неужели Гримоальд? Нет, вряд ли он мог предать. Хотя... Нет, не верю», – показалось Теоделинде, что иглы впились в подвздох.

– Аутари желает разделить с тобой трон, – продолжал отец, – ведь в тебе их кровь, но это неважно, если решишь иначе, – повернул отец к ней лицо.

«Нет, сам-то ты считаешь, что союз с ними важен, очень важен для нас», – рвался из горла Теоделинды ответ.

– Было бы разумно укрепить нашу связь с ними, а королева может позволить себе приблизить к трону своих родичей. Ведь так, отец? – повернулась Теоделинда к отцу, чтобы ответить на его внимательный взгляд.

– Всё верно, Теоделинда, – затеребил отец белую бороду, – но речь не...

– Отец, моё место с теми, чья кровь течёт во мне, – прервала Теоделинда отца, взяла его за ладонь и погладила её.

...Гребень застыл, но затем рука Херти опять двинула его среди спутанных сном прядей, складывая волос к волосу:

– Тяжко, что надо отпрапляться так далеко, а у меня колени не гнутся, а если гнутся, то потом еле-еле выпрямляются. И потом, у королевы всегда много помощниц. Я буду только обузой.

– Какая обуза, Херти? Ведь я там буду одна, а так хоть с тобой.

– Не знаю, не знаю, – вздохнула Херти, покачав головой. – Да, и помни: королева правит не сердцем... Оденешься как обычно, ты же по хозяйству? – закончила Херти с волосами.

– Да, а к вечеру приготовь наряд. Пойду проверю приготовления к пиру, – встала Теоделинда с кушетки с чувством, что на её округлые плечи легли куски острого гранита, которые братья таскали на себе в юности, когда один из опытных воинов упражнял их в горах.

Прошло два дня после пира с лангобардами, а Теоделинда всё ощущала то прикосновение, и её рука раз за разом касалась ожерелья на шее.

... В тот вечер главный зал крепости заполнили гости и приближённые отца. Прежде чем все уселись за столы, что с таким усердием накрывали слуги под взглядом Теоделинды, гастальд Муних попросил её выйти вперёд, чтобы вручить ей подарок короля Аутари.

Когда она вышла в зелено-золотистом наряде, из рядов длиннородых мужчин в расшитых рубахах-туниках и поясах в золоте и камнях навстречу шагнул крепкий воин в простом кожаном поясе и с заметным шрамом на высоком лбу. Его глаза забывали мигать, Теоделинде казалось, что ни одна её мысль, ни одно её чувство не скрылись от него. Как только золотое ожерелье из липовых листиков легло ей на шею, он провёл большим пальцем по её лбу до кончика носа – и скрылся за спинами гостей.

Всё случилось так быстро и дерзко, что никто ничего не заметил, а выясняя, кто надел ожерелье, она узнала, что король Аутари доверяет этому человеку как самому себе.

Сегодня утром большая часть лангобардов, стоявших лагерем за стенами – крепость не могла вместить всех, – убыли обратно, и того воина Теоделинда больше не видела. После разъездов по полям, виноградникам и пастбищам, когда тени стали удлиняться, она с полотном из мягкой пряжи, нитями и иглой устроилась в комнате, чтобы заняться шитьём.

– Позвольте поговорить с вами? – открыл дверь, предварив стуком, человек в чёрной дзимарре, чью голову украшала тонзура. – Король просил меня обсудить один вопрос.

– Пожалуйста, ваше превосходительство, – показала Теоделинда на кушетку у зеркала.

– Зовите меня Рогарит, – уселся он на кушетку, спрятав её под широкими полами своего одеяния, – так привычнее.

– Среди прибывших один очень похож на вас. Он ещё так жутко морщил лицо, когда малютки моего старшего брата оказались рядом, – улыбнулась Теоделинда, вспомнив, как русоволосый лангобард с квадратными скулами и серыми глазами перекрестился, а потом ретировался на десяток шагов от хнычущих младенцев.

– Так бывает, когда у вас одни отец и мать, – наблюдал Рогарит, как игла ныряет в ткань. – Мой брат Агилульф. Я обогнал его на две зимы... Пока мальчишки не возьмут в руки оружие, они для него как надоедливые москиты. А девчонок замечает... когда есть, что замечать.

– Возможно, дети его пугают, но, так или иначе, мужчине нужен наследник, – перекусила Теоделинда нить серебряными ножницами, – Слышала, римляне ещё сохраняют власть в Италии.

– Её земли идут от гор, что мы пересекли, до жаркого острова с высоченной дымящейся вершиной и с трёх сторон окружены морем. Этим островом владеют греки, а ещё куском земли через море. Там город Регия¹⁹. Нам пока не подвластны Неаполь, Венеция, Генуя. Всё это приморские города. Они удерживают их с помощью флота. Хотя у нас теперь есть римляне-корабелы, мы не рискуем плавать, – говорил Рогарит, а руки Теоделинды подрагивали, и она пустила кривой стежок: «Я не видела крепостей кроме своей, а сколько же их там, где мне быть королевой?».

– Но хуже всего, – продолжал он, – что узкая полоса земли от Рима до Равенны, между двух морей, никак нам не сдаётся, а за ней наши южные герцогства – Сполето и Беневенто, которые никак не утихомируются, отказываются подчиняться королю... вплоть до мятежей. Я вас растревожил?

Теоделинда не отводила глаз от свечи.

– Нет, просто заговорили о Риме, и мне стало любопытно, как вы справляетесь, служа и понтифику, и своему народу, – посмотрела Теоделинда на него, затем вернулась к рукоделию, – ведь понтифик не жалуется неправую веру (арианство).

– Но я служу не понтифику, а... – поднял Рогарит глаза к каменному потолку с деревянными балками бурого цвета. – Король запрещает нам католические обряды. Но теперь, раз вы,

¹⁹ Современный Реджо

наша королева, следуете другой вере, то он смягчился и просит позволения, чтобы я написал понтифику о вас. Вот об этом-то мне и надо было поговорить.

– И что же это даст королю?

– Видите ли, случилось, что некоторые из моих собратьев нарушали запреты и подвергались наказаниям. Я и сам недавно рисковал стать изгоем, но... – перекрестился Рогарит, – мой брат меня спас.

– Другими словами, король желает наладить отношения с Римом, – ощутила Теоделинда укол от слов епископа и едва не воткнула иглу в палец. – Для чего же я ещё ему нужна?

– Понимаю вас, – ответил Рогарит, – но лучшие решения всегда бьют по многим трудностям. И чтобы вы знали, Рим не желает мириться с властью греков. Они бы с радостью зажили сами по себе.

– Как же брат вам помог, интересно? – сказала Теоделинда после непродолжительного молчания, в котором ощущала явную тяжесть в плечах, словно затекли мышцы от сидения на месте.

– Приказал своим людям, и утром, когда я спал, они вытащили меня из постели и упрятали в темницу, чтобы я не выступал на таге, – ухмыльнулся Рогарит, – представил так, будто я напился из-за содеянного. А потом сговорился с вождями и гастальдом на двести монет фельгельда.

– Так поступить с родным братом! Не слишком ли жёстко? – сказала Теоделинда с мыслью: «Интересно, Гримоальд или Тассилон пошли бы на такое?».

– Может быть, и жёстко, но он получил, что хотел... Знаете, когда Аго сделал первый вздох, то волки, что кружили вокруг нашего селения, испугались и ушли. Потому его стали звать Волчье лезвие. И я рад тому, что он мой брат.

Они поговорили ещё немного. Теоделинда дала согласие на письмо в Рим.

Следующий день принёс весть, которая взбудоражила всех в крепости и в округе: франки с гонцом прислали ультиматум. Он гласил, что либо бавары откажут лангобардам в браке с Теоделиндой, либо отдадут герцогство под власть короля Хильдеберта.

Отец слёг. Братья ходили хмурые, отправляли гонцов, собирали войско. Когда Теоделинда ловила на себе взгляды – братьев, приближённых герцога, слуг, крестьян на полях – ей казалось, они винят её, а потому ночью долго не ложилась, бродила по комнате с Львёнком на руках. Пальцы ходили по мягкой шерсти, а живот сводило от страха.

Из всех только Херти осталась прежней, да Тассилон с привычной жизнерадостностью сказал ей, что подобная стычка – мелочь, не сулящая вреда. Его слова показались Теоделинде прохладной водой, что смягчает горло, пересохшее от жажды. Но как же тогда: «Отдайте все земли!» – разве это мелочь? Ведь могла же поступить иначе? И она снова злилась на себя.

Через два дня посольство лангобардов отправлялось обратно. В то утро Теоделинда спустилась во двор под солнечные лучи, которые не радовали, а только заставляли её шурить сонные глаза. Двор крепости шумел привычными звуками, к ним добавились разговоры длиннобородых воинов, которые у конюшни седлали лошадей, крепили походные мешки, оружие и провизию. Тассилон и Гримоальд стояли в двадцати шагах от них, обхватив ладонями кожаные пояса.

– Вышла проводить своих родичей? – сказал Гримоальд так, словно провёл лезвием по камню, когда заметил Теоделинду, шедшую на кухню с утренней проверкой. – Что-то не изволят они нам помочь, только сладкие речи от них слышали.

Она повернулась и подошла к нему.

– Ты же сам не хотел моего брака с Людером? – встала Теоделинда напротив Гримоальда.

– Но не против короля Хильдеберта, – парировал Гримоальд.

– Сестрёнка, подожди, – встал Тассилон между ними, улыбаясь ей, затем повернулся лицом к брату, и его руки легли ему на плечи: – Не надо так с ней. Мы справимся, не впервой.

Теоделинда уже стояла рядом с осёдланными лошадьми, которые звякали уздечками, махали хвостами и с опаской косили глазами, как будто ожидали от неё обиды.

– Господин Муних, – обратилась Теоделинда к гастальду, чьё внимание занимало крепление седла на его гнедой кобылице, – как поможете нам справиться с франками?

Муних повернул к ней своё розовощёкое лицо и заговорил, левой рукой поглаживая лошадь по крупу:

– Мы без промедления соберём войско, как только король узнает.

– Ещё пятнадцать-двадцать ночей – и перевал не перейти. Я ваша королева, – теперь вокруг неё сгрудились все десять воинов, – мне нужно, чтобы вы остались, тогда они задумаются, прежде чем атаковать нас, – говорила она требовательным голосом, не отрывая взгляда от гастальда.

– Простите, но король приказал нам вернуться, – ответил Муних. – Выходим, – велел он своему отряду.

– Тогда, – вытащила Теоделинда ожерелье из-под рубахи-туники, сняла, и золотые листики липы заблестели в её вытянутой руке, – верните королю его подарок.

Щёки Муниха налились ещё большей краснотой, взгляд перебежал от её лица к ожерелью в руке, и повисло молчание, прерываемое ястребиным криком в небе, звоном из кузницы, шорохами одежд и ног слуг, спешащих по хозяйским заботам.

– Дай сюда, – не уследила Теоделинда, как Агилульф оказался перед ней и забрал ожерелье, – король возьмёт его, – удержал он её за плечо, когда она решила уйти, – но только из рук своей королевы, – одел ожерелье обратно ей на шею.

Агилульф повернулся к ней спиной, и его дюжие плечи закрыли от неё Муниха.

– Господин гастальд, – услышала Теоделинда. – Она говорит верно. Франки не рискнут напасть, если мы будем здесь, ведь это значит развязать войну с нами, – подошёл Агилульф к коню, скинул походный мешок на землю. – Я остаюсь.

– Сначала *sadarfada*, теперь мой и королевские приказы, – прозвучал хладнокровный голос Муниха, но Теоделинда разглядела сжатые кулаки и вздёрнутую в оскале верхнюю губу. – Видно, твой отец стал для Аутари слишком важен, раз он так мягок к тебе.

– Перед отцом я отвечу. А здесь наша королева. Вам же, господин гастальд, надо догонять короля, чтобы успеть с подмогой. Каждый пусть решит сам, – обвёл Агилульф взглядом воинов вокруг, – с кем он.

– Ты знаешь о моей клятве, а потому не жди помощи. Не буду отговаривать – не слушаешь, но это безумие, – сказал Рогарит, влезая на коня. Дзимарру он сменил на походную одежду: шерстяные штаны и рубаху – и теперь отличался от остальных лишь лысым черепом с ободком русых волос. – Как я и говорил, отправлюсь во Фриуль. Надеюсь через две-три луны выехать оттуда в Турин вместе с тобой. Прощай.

Вечером, едва щека Теоделинды коснулась постели, сон отнял мысли, схватил в ласковые объятия. В нём она взлетала над пропастью и парила над лужайкой с длиннобородыми валунами.

VII

*Паннония*²⁰

Ноябрь, 588 г. н. э.

Облачко пыли всё больше росло, клубилось у горизонта. Над этой полосой цвета каштанового мёда висело солнце. Утренние длинные тени всадников вокруг Людера съёживались. Они уменьшались, словно не ждали ничего доброго от пыли, поднятой приближающимися лошадьми.

Пока отряд Людера из людей, собранных Фроилом, украдкой пробирался лесистыми предгорьями лангобардского королевства, и, наконец, пересёк Юлийские Альпы, луна успела пережить рождение и смерть. Они ожидали появления её серебряного серпа через несколько дней, отдыхая на ночных привалах под фырканье лошадей, жующих пожухший ковыль.

Кроваво-оранжевые языки пламени плясали на трескучем хворосте и металы отблески на лица десяти наёмников. Их взгляды с опаской останавливались на Кривсе, лежащим между Людером и Брюном. Иногда пёс поднимал светло—рыжую голову, чтобы вывалить язык и показать клыки, что несколько дней назад попробовали проводника на вкус. Он попыталсялизнуть на одном из ночных привалов, но далеко не ушёл. Как не ушёл от меча Брюна и один из саксов, когда затеял спор из—за куска зажаренного тетерева.

– Один старик из этих мест, – как—то заговорил бровастый франк, держа над огнём, насаженный на нож, кусок мяса дикого козла, – поведал, что под перевалом есть речка, где водятся смрадные змеи.

– Там и не такие чудища водятся, – гладил Людер холку пса.

– Иногда она вылезает на скалы, и там находят капли живого серебра²¹, – продолжал бровастый франк.

– Как его носить, если оно живое? – прекратил Брюн жевать.

– Ну, он говорил, его собирают цверги²² и делают золото, – пожал франк плечами, – Там слева, после перевала у дальней горы, торчало аварское село. Они точно должны знать.

– Вон греки (Византия) без живого серебра чеканят золотые монеты, – сказал Людер, – а с них и получить легче, чем с подземных коротышек.

...Когда тени осмелели и пошли в рост, в пыльном облаке заблестели остроконечные шлемы, наконечники пик и доспехи. Людер насчитал почти три десятка всадников, приказал отряду остановить лошадей и ждать.

Широколицые черноволосые конники в кожаных одеждах с железными пластинами кружили вокруг отряда. Людер показал пояс из мягкой телячьей кожи с драгоценными камнями. Когда предводитель отряда – толстогубый авар, – расслышал в бряцанье доспехов и топоте копыт, что король Хильдеберт передаёт дар кагану, выкрикнул приказ следовать за ними.

На следующий день, когда холодный утренний туман уполз в овраги, занятые грабом, вязом и клёном, тёмно—бурая степь с седыми полынными проплешинами показала впереди, в пяти милях, двадцатифутовые валы хринга (деревянная крепость). Стада коров, овцы и козы гуляли на пути отряда, а между ними бродил прохладный ветер. Он приносил и уносил мыча-

²⁰ Территория современных Венгрии, восточной Австрии, юго-западной Словакии, северной Словении, северной Хорватии, северо-восточной Сербии, северной Боснии и Герцеговины

²¹ Ртуть

²² Гномы

ние и бляение, окрики пастухов, орлиный клетот и грачиное карканье, не забывая о запахе поникших от холодов трав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.